

Иван Державин

Дочь
за отца

Зов крови

Иван Державин

Дочь за отца. Зов крови

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18664118

ISBN 9785447480882

Аннотация

Героиня повести «Дочь за отца» – девятнадцатилетняя москвичка, недавно вышедшая из больницы, в которой пролежала шесть лет на грани жизни и смерти после зверского надругательства над ней. Не такая уж редкая трагедия в девяностые, да и в наши годы в России. Но не каждая дочь после пережившего отважится на поиски бесследно исчезнувшего сразу после той страшной ночи отца. А она отважилась.

Содержание

Вместо пролога	5
Глава первая	19
Глава вторая	59
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Дочь за отца
Зов крови
Иван Державин

© Иван Державин, 2016

ISBN 978-5-4474-8088-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо пролога

– Твоя мама не будет ругаться, что ты так поздно? Уже девять.

– Мама, не знаю, а папа точно будет. Скажет: «Почему не позвонила? Могла бы предупредить. Ты знаешь, какое сейчас время? Это мы могли до утра бродить». Он у меня такой. Представляешь, ни разу не ушел на работу, не поцеловав меня. И знаешь, куда целует? Ни за что не догадаешься.

Он, узкоплечий, тонкошей, в очках, взглянул на ее губы, между которыми в лучах уходящего майского солнца жемчужно сверкали зубки, и покраснел. Она, поймав его взгляд, засмеялась и замахала головой.

– А вот совсем и не угадал. Не сюда, а в пятку. – Она огляделась и проговорила доверительно. – Я бы сюда одна ни за что не пошла. А с тобой мне нисколько не страшно... почти. – Ей все-таки было чуть страшновато, хотелось сесть к нему поближе и прижаться, но она постеснялась.

– И с Эдиком бы не пошла? Он намного сильнее меня.

– С ним тем более.

– Почему тем более?

– У него такой взгляд. – Она съежила плечики.

– Какой такой? Нормальный. Разве у меня не такой?

– Ну, ты сравнил, – усмехнулась она. – Чтобы ты смотрел, мне хочется. А от его взгляда не знаешь, чем прикрыться.

Он на всех девчонок так смотрел по очереди.

– Я не видел, чтобы он на кого-нибудь смотрел, кроме тебя.

– Сейчас – да, а раньше я для него не существовала.

Он задумался, спросил:

– Что изменилось, не знаешь?

– А ты, правда, не догадываешься?

Он опять задумался и ответил неуверенно:

– Ну, наверное, посмотрел повнимательнее и, – он улыбнулся, глядя в сторону, – влюбился.

– Хм... влюбился, – хмыкнула она. – Это Эдик-то? Он даже не имеет представления, что это такое. Так, как в меня, он влюблялся во всех подряд, начиная с Зины Пиманкиной.

– И никто из вас не захотел с ним дружить?

Она повернулась к нему всем телом, откинув назад голову, сказала вместо ответа:

– Господи, какой же ты...

Он подумал, что она добавит «глупый» и проглотил слюну. Но в ее взгляде совсем не было насмешки, а, напротив, было что-то такое, отчего радостно забилось сердце и захотелось услышать, какой он, пусть даже глупый.

– Какой? – робко спросил он.

– Какой, какой... Как будто сам не знаешь. Хороший, вот, какой. Вот, почему все девчонки в тебя сразу повлюблялись.

У него чуть не вырвалось: «А ты?», но он побоялся, вдруг она скажет, что, если уж она в Эдика, самого видного в клас-

се, не влюбилась, то в него тем более.

– Знаешь, как тебя зовут в классе? – спросила она.

– Как? Игорем.

– Не просто Игорем, а князем Игорем.

– Почему?

– Потому что ты чем-то похож на князя. Все в один голос об этом говорят. Даже Марта сказала, что у тебя гордая осанка. А ты слышал, как она обо всех нас отзывается? Как о законченных идиотах. А тебя все в пример ставит: и вежливый, и культурный, и благородный.

Ему хотелось сказать, что его интересует не то, что говорит о нем Марта, а что думает о нем сама Лялька. А как об этом спросить, он не знал.

– Это была твоя идея устроить день рождения дома для всего класса? – спросила она.

– Нет, мамина. Я хотел позвать только тебя и Колю.

Она подняла на него глаза, тихо поинтересовалась:

– Почему именно меня? – Продолжая смотреть на него, она увидела, как напряглось его тело, а взгляд застыл, уставившись вперед. – А почему ты не хотел пригласить Зину вместо меня? Она в десять раз красивее меня. – Но в ее голосе не было зависти или печали, скорее сквозила радость.

– Кто это замерял? – быстро спросил он, бросив на нее беглый взгляд, и добавил, усмехнувшись. – Разве что по росту. И то самое большое процентов на пятнадцать. Зато у тебя глаза в три раза крупнее ее и сияют, как... – он задумался

в поисках сравнения.

Она была самой маленькой в классе, а он почему-то обратил внимание именно на нее, как только вошел в класс вслед за Мартой Ивановной два месяца назад. Как сейчас, он помнил то мартовское утро. Первые лучи весеннего солнца метнулись ему навстречу, ослепив его. Он вскинул руку и прикрыл глаза ладонью, чувствуя впившиеся в него любопытные глаза учеников и чьи-то пристальнее всех.

– Нашего нового ученика зовут Игорем Гальцевым, – представила его Марта Ивановна. Она была классным руководителем класса. – Прошу любить и жаловать. Игорь, подойди к доске, чтобы тебя могли получше рассмотреть.

Он подошел, обвел класс взглядом и остановил на ней. Мало сказать, остановил, он прямо-таки устоял на нее, как будто встретил знакомую. В ее в пол-лица глазах он тоже увидел радость их встречи.

– Игорь человек новый не только в классе, но и в стране, – продолжала Марта Ивановна и обратилась к ученику в четвертом ряду, на три стола дальше от девочки. – Эдик, я бы очень хотела, чтобы Игорь первое время посидел рядом с тобой, нашим лучшим учеником. Не возражаешь?

Эдик, выделявшийся среди учеников почти взрослыми габаритами, безразлично пожал покатыми плечами и подвинулся к краю стола, за которым сидел один.

Игорь оторвал взгляд от девочки и уселся рядом с Эди-

ком. Марта Ивановна кивнула стоявшей у окна учительнице, чтобы та продолжала урок, и вышла.

– Какой предмет? – спросил Игорь шепотом у Эдика.

– Английский, – ответил тот, как показалось Игорю, раздраженно.

– Слава богу, не алгебра и не физика. Там я слабак.

Учительница английского языка Ксения Алексеевна, одетая, к удивлению Игоря, как на прием в посольстве, улыбнулась ему и спросила на английском языке:

– Как я поняла, ты приехал из какой-то страны, из какой?

Обратив внимание на ее лондонский акцент, Игорь бегло ответил также по-английски:

– Да, госпожа, мы неделю назад вернулись из Новой Зеландии. Папа работал там в нашем посольстве.

– Из Новой Зеландии? Очень интересная страна. Ты не против, если к нашему разговору я присоединю остальных?

– Нет, госпожа, напротив, с большим удовольствием.

– Дети! – сказала громко Ксения Алексеевна. – Игорь вернулся из Новой Зеландии, где работал его папа. Я думаю, вам будет интересно, послушать его рассказ об этой далекой и интересной стране. Вы можете задавать ему любые вопросы.

Отвечая на вопросы, очень простые: есть ли там кенгуру и видел ли он их, купался ли в океане и еще легче, Игорь видел одну Ляльку даже, когда не смотрел на нее и никак не мог

вспомнить, откуда он ее знал. Ему хотелось скорее дождаться перемены и взглянуть на нее повнимательнее и во весь рост. Как раз его-то у нее совсем не оказалось. Ну, прямо Дюймовочка. Даже до плеча ему не доставала, хотя он был не самый высокий, почти, как все. Тогда ему впервые захотелось стать пониже ростом. Если бы он умел рисовать, он изобразил бы ее в виде двух огромных сияющих, как солнце, ярко-синих глаз с длинными лучами-ресницами и такой же лучистой улыбкой, глядя на которую ему тоже хотелось улыбаться. А уж талию, ноги и руки можно было подрисовать тоненькими прутиками, как в мультике.

Кроме того, что глаза Ляли сияют, как звезды, ничего больше Игорю в голову не приходило, а ему хотелось что-то пооригинальнее, например, сравнить их со светлячком в ночи или бриллиантом на мамином перстне. Но это ему тоже не нравилось, так как было длинно и не совсем соответствовало тому, что он хотел выразить.

Так и не дождавшись, как сияют ее глаза, Ляля повернулась к Игорю и увидела, что он вдруг отпрянул назад и исчез, словно растворился. В следующее мгновение голова ее оказалась в мешке, грудь больно сдавили чьи-то сильные руки, и она почувствовала, что ее приподняли над скамейкой и понесли спиной вперед. Ноги ее зацепились за край ска-

мейки, и купленные на вырост туфли соскочили на землю. Только сейчас она громко закричала, вернее, пронзительно завизжала и стала вырываться, болтая ногами и вертя головой в мешке. Но крик ее безжалостно оборвала рука, скользящая по груди вверх и зажавшая рот вместе с носом.

– Заткнись, а то придушу! – пригрозил ей злой жесткий голос. Такой голос, резкий, как удар кнута, и беспрекословный, бывает у главарей бандитов.

Когда она стала совсем задыхаться и судорожно забилась, рука освободила рот и ухватила ее за шею. Она стала жадно глотать воздух вместе с полиэтиленовым мешком. Она все еще не отдышалась, как следует, когда ее втолкнули в машину, которая тотчас тронулась.

Бандит держал ее за шею и больно надавливал большим пальцем на горло, когда она пыталась пошевелиться. Ни о чем другом, кроме как глотнуть побольше воздуха, она не думала и обрадовалась, что смогла сделать это, когда с ее головы сняли мешок. Но вместо него глаза ей завязали повязкой, и она никого и ничего не успела увидеть. Опять наступила темнота.

Совсем скоро машина остановилась, и ее вывели наружу, по-прежнему держа за шею и периодически придавливая горло. Спотыкаясь, она поднялась послушно по ступенькам на крыльцо и вошла в какое-то помещение. Продолжая держать за шею, бандит приставил ее к стене и спросил:

– Жить хочешь?

Жить для нее означало дышать, и она ответила поспешно:

– Хочу. – И закашлялась.

– Тогда будешь делать все, что тебе прикажут.

– Что я должна делать? – спросила она, всхлипывая.

– Все. Он тебе подскажет. Ты поймешь. Главное, ни в коем случае не послушаться его, иначе...

Рука отпустила ее шею, и она почувствовала прикосновение холодного металла ко лбу.

– Это пистолет, – пояснил голос, – а они, как известно, стреляют. Человек, которому ты будешь сейчас принадлежать, очень меткий стрелок. Он не промахнется.

Она с трудом поняла сказанное и совсем не поняла, что означало принадлежать, но спросить побоялась, чтобы бандит не схватил ее опять за шею и не надавил на горло.

Ей показалось странным, что слова исходили от бандита снизу, словно он был ростом с ребенка или без ног.

Сзади хлопнула дверь, и слышались легкие шаги, словно кто-то крался на цыпочках. Когда шаги затихли перед ней, первый бандит проговорил голосом, каким обычно разговаривают с ребенком или с очень высоким начальником:

– Можешь приступать. Она будет послушной. А послушается, бей ее, можешь даже убить.

Вошедший подошел к ней настолько близко, что она слышала его сдерживаемое дыхание и почти видела его взгля-

ды на себе. Какое-то время он стоял неподвижно, затем про-
сунул ей подмышки руки, приподнял ее и уложил на что-
то, похожее на лавку. Почувствовав, что он расстегивает ей
блузку, она, забыв про предупреждение, закричала «Не-ет!»
и стала отталкивать его от себя, а также попыталась сорвать
с глаз повязку. Ее схватили за руки и привязали их к ножкам
лавки, а чтобы она замолчала, несколько раз ударили по лицу
и били всякий раз, когда она так или иначе противилась раз-
деванию. Но замолчать и подчиниться ее заставили не столь-
ко удары, сколько ее нагота и чувство унижения и беспомощ-
ности. Почти физически она ощущала прикосновение к телу
грязных взглядов.

– Позовешь, когда закончишь, – сказал все тот же голос.

И опять он был на несколько тонов ниже, в сравнении
с тем, каким говорил с ней: командным, беспрекословным.

Послышались удалявшиеся шаги, хлопнула дверь, и Ля-
ля тут же вскрикнула от щипка и укуса соска, сначала од-
ного, затем другого, потом груди с ударами по щекам, что-
бы она замолчала. Превозмогая боль, она замолчала и закри-
чала еще громче, когда бандит рывком поднял и раздвину-
ли ее ноги. Последовавшие за этим удары по губам и гру-
ди слились в одну сплошную боль. В сравнении с ней боль
внизу живота показалась ей почти незамеченной. Она сразу
поняла, отчего была эта боль, и то, что это уже с ней слу-
чилось, сломило ее окончательно, сделав покорной и рав-

нодушной к жизни, потерявшей, как ей показалось отныне всякий смысл. Только бы не было больше боли, молила она. Лишь еще раз она ослушалась, когда толчки внизу прекратились и насильник попытался разжать ей стиснутые зубы, надавливая пальцем на скулы и водя липким членом между губ. Не добившись, он стал бить им членом по губам, еще громче скуля и повизгивая от злости. Из него раньше, как он только подошел, уже исходили какие-то писклявые звуки, но только сейчас она сообразила, что таким образом он сдерживал себя, боясь выдать голосом. Значит, она его знает? Кто он? Неужели Игорь?

Догадавшись, о чем она думает, он с силой дернул ее за волосы внизу и отошел. Она сцепила зубы и сдержала крик, боясь, что он вернется.

Намокшая от брызнувших слез повязка неприятно щипала глаза, нестерпимо хотелось сорвать ее. Услышав стук двери, она попыталась освободить руки.

Но дверь скрипнула с другой стороны, и послышались шаги нескольких человек, она вся сжалась, прижав ноги и приготовившись к новым мукам, возможно, более страшным. Она услышала натужный хрип, в носшибанул вонючий запах смеси табака и перегара изо рта нагнувшегося над ней бандита и сиплый голос проговорил:

– Приступай, голубок. Опыту ты уже набрался.

К ней неслышно приблизился другой бандит, она еще сильнее напряглась в ожидании ударов и укусов, но он вдруг

стал дуть на ее грудь и нежными прикосновениями пальцев стирать кровь, успокаивая боль. С удивлением она отметила, что ей даже приятны его прикосновения, отчего ее тело само расслабилось, а она невольно проникла доверием к этому человеку, совсем не похожему на первого бандита. А руки уже ласково касались ее подбородка и губ. И вдруг он дотронулся губами до ее крепко сжатых губ.

Сбоку кто-то насмешливо хрюкнул, и послышался звонкий молодой голос:

– Во, блябу, дает,

Тотчас раздался топот двух шагов и сиплый голос сердито спросил:

– Долго тебя еще ждать?

Руки с лица исчезли и коснулись ее ног, пытаясь медленно из раздвинуть. К своему очередному удивлению она не оказала сопротивление, совсем не потому, что побоялась побоев. Догадавшись, что он поднялся на лавку, пытаясь встать коленями между ее ног, она раздвинула их шире, приподняв колени. Когда он вошел в нее, у нее неожиданно перехватило дыхание от пробежавшей по всему телу незнакомой приятной волны. Ей хотелось, чтобы это не заканчивалось.

В этот момент повязка на секунду сдвинулась с ее глаз, и она увидела Игоря, успев заметить на его лице кровь. Он смотрел вверх ее головы, и глаза его были, как ей показалось, испуганными.

Глаза ее округлились от удивления и презрения.

– Это ты... – выдохнула она и вся сжалась, отстраняясь от него.

Он виновато взглянул на нее и затряс головой.

– Нет... нет... это был не я. Честное слово, не я.

– Ха-ха, – хохотнул со стороны звонкзвонкоголосый, и повязка опять налезла на глаза. – Не верь ему. Блябу, это он тебя трахал. Мы все видели. Правда, Си..., ой, а?

– А кто еще? – не сразу отозвался, прочистив горло, Сиплый. – Я – нет, ты – нет. Стал быть, только он один.

– Ты сама завтра увидишь на фотографиях, – продолжал молодой. – Мы засняли каждый его в тебя вход и выход. Да вы нас не стесняйтесь, продолжайте, продолжайте.

– Слазь, – приказал Сиплый.

Игорь отстранился от нее и появился у головы. Она догадалась и сжала губы. Но когда его член скользнул по ним, они сами раскрылись, и она, почувствовав во рту его мягкую кожу, коснулась ее языком.

Он почему-то опять удалился, стукнула дверь, она услышала быстрые шаги, но не Игоря, а тяжелее, стихшие у ее головы. Она услышала звук расстегиваемой молнии, почувствовала прикосновение к губам, крепко сжала зубы и тут же их разжала от нестерпимой боли в сдавленных скулах, в следующее мгновение ее рот был заполнен до горла, отчего она чуть не задохнулась, в том числе от туалетной вони. По его хрюканью и непонятному слову она догадалась, что это был звонкоголосый бандит. Мысль, что следующим может быть

сильный мужик, сделала ее безразличной к ударам в горло, становившимся с каждым разом все сильнее и быстрее. Когда они прекратились, она с трудом закрыла рот из-за сведенных скул. Горело горло, она попыталась смочить его слюной и закричала от боли внизу живота, отчего еще темнее стало в глазах. Теперь уже там начались удары, отдававшиеся болью по всему телу. Она продолжалась, когда удары прекратились, и хлопнула дверь.

Минуту она лежала с надеждой, что все кончилось и когда-нибудь боль стихнет. Где-то вдалеке играла музыка. Вдруг она зазвучала громче, Ляля догадалась, что открылась дверь, и у нее появилась робкая надежда на помощь людей, но музыка утихла, а с ней и надежда на помощь. По шагам она поняла, что вошел не один. Послышались переходящий на писк шепот и топанье ногой, словно кто сердился. Затем кто-то подошел к ней и рывком раздвинул ноги. Внизу живота у нее взорвалось, и она услышала свой смертельный крик, заглушивший рев насильника. Уже теряя сознание, она почувствовала еще один взрыв внизу спины, но свой крик и рев уже не слышала, окунувшись в темноту.

Когда она открыла глаза, стояла мертвая тишина. Почувствовав, что руки ее свободны, она попыталась подняться и от боли внизу живота опять потеряла сознание. Очнувшись вновь, она сняла с глаз повязку и огляделась. Было почти светло. Она лежала в комнате с ободранными стенами и сто-

лом в углу. Подниматься она побоялась и осторожно протянула руку вниз. Коснувшись пальцами чего-то твердого и ко-
рявого, она дико закричала.

Послышался лай собаки, дверь скрипнула, и в комнату вбежала, часто дыша, собака, а вслед за ней появился человек с палкой в руке. Увидев и оглядев ее, он задержал взгляд на животе, проговорил испуганно:

– О, господи, помилуй! Кто же это тебя так? Потерпи, я вызову" Скорую».

Глава первая

Машина так и не завелась. Андрей Мохов оставил машину соседу Султану, пообещавшему к вечеру заменить какое-то реле, и побежал к станции метро. В час пик добраться на метро до центра можно было на полчаса, а то и больше, быстрее, чем на машине.

Пробы были не его, а его партнерши. Вот уже месяц, как режиссер и он – сценарий писался под него и с его участием – не могли ее подобрать. Такое впечатление, словно девушки с ясными чистыми глазами начисто перевелись в стране и остались одни прошмандовки. Налицо сказался результат долгожданной демократами сексуальной революции. Ну не поверит же кинозритель, чтобы эти современные подражательницы Шерон Стоун и Памелы Андерсон делали трагедию из банального изнасилования. Да из них самих похоть так и прет, без которой они ноль без палочки, как та же Памела без силиконовых сисек. А уж если совершат над ними насилие, то не станут они, право, сходить от этого с ума и считать жизнь конченной. Следовательно, не очень расстроится и зритель, не испытав жалости к надруганной героине. А вот режиссер точно расстроится, не увидев ожидаемых соплей на просмотре картины, и ему станет жалко потраченных усилий и денег. Вот и устраивает он пробы одну за другой, затягивая съемку. А еще потому он это делает, что давно была

у него мечта, чтобы зритель влюбился в его героиню, как когда-то влюблялись в Целиковскую и Смирнову, даже не видя их обнаженных роскошных грудей.

А время подпирало и тянуть дальше было нельзя. Поэтому на сегодня была назначена последняя проба, и в любом случае вопрос о героине должен быть решен. А претенденток было сто-о-о-о-о-о!: и жен, и любовниц и дочерей, и все труднее было отбивать натиск их мужей, тузов и отцов.

Его уже узнавали на улице, поэтому он старался ни на кого не смотреть, хотя и приходилось извиняться, когда толкали его, а он других. Вот и сейчас его прямо-таки бросили на девушку – подростка с роскошными светлыми волосами. Очевидно, ее больно вдавили спиной в перекладину, отчего ее хорошенькое лицо исказила гримаска. Андрею стало невыносимо жалко ее. А когда она подняла на него блестящие от выступивших слез глаза, он чуть не вскрикнул. Она! Та, что им с Мытаркиным нужна! Огромные совсем не бледовитые печальные глаза и миленькая мордашка с нежной почти прозрачной кожей. Вот если бы к этому была еще точеная фигурка и чтобы еще и не шепелявила, тогда точно была бы она, наша героиня, размечтался Андрей.

Просунув вперед руки и скользнув пальцем по талии девушки («Как тростинка!»), он ухватился за перекладину и с силой подал себя назад. Она выпрямилась, прикрыла на секунду глаза лохматыми ресницами, выпятила бледные

пухлые губы и, выдохнув воздух, слабо улыбнулась.

Обратив внимание на ее ровные зубы и на то, что ресницы и губы у нее не были накрашены, Андрей совсем разволновался и впервые пожалел, что его не узнали. А что это так, было видно по тому, как девушка нахмурила брови, чувствуя себя явно неловко в его объятиях. Другие бы уж точно не растерялись в такой ситуации, даже не узнав его. Парень он был что надо, не то что видный, а в газетах даже писали, делонски красив, а вот в ее глазах он этого не заметил. Скорее всего, она не привыкла знакомиться в метро. Если же она надумает сейчас сойти, испугался он, и я побегу за ней, тогда уж точно упущу ее.

– Девушка, – нагнулся он к ее уху. – Бога ради, не подумайте чего плохого и выслушайте меня. Чтобы вас сразу успокоить, я женат, люблю жену, она должна скоро родить, и ничего дурного я вам не сделаю. Дело в том, что я артист театра и кино и сейчас еду на кинопробы. А на метро еду потому, что сломалась машина, я опаздывал, а так быстрее. Сейчас я рад этому, потому что мы ищем девушку на главную роль и никак не можем найти, а увидев вас, я уверен, она должна быть похожей на вас. Ей богу, я не банальничаю. Ну, взгляните на меня повнимательней, может, вспомните, что видели меня в кино.

Он откинул назад голову и, поймав ее взгляд, улыбнулся.
– Теперь узнали?

Она с интересом («Еще бы – такую чушь нес») взглянула

на него.

– Узнала. Если не ошибаюсь, это вы с другом убежали из тюрьмы, его ранили, вы его несли и похоронили в лесу.

– Ну вот, видите, – обрадовался он и удивился тому, насколько ее голос соответствовал облику: нежный, чистый и не прокуренный. А главное, не шепелявит.

Он опять нагнулся к ней, стараясь не касаться губами ее уха, заговорил уже по-деловому:

– Это займет у вас максимум полтора часа. Я добьюсь, чтобы вас прослушали вне очереди. Я понимаю, что вы боитесь обмана. И правильно делаете. Время сейчас такое, не бояться нельзя. Но там будет много народу. Таких же, как вы, претендентов по нашему объявлению в газетах на главную девичью роль в картине «За неделю до свадьбы». Может, читали?

Девушка подняла к глазам руку, взглянула на часы.

– Где это находится?

– В пяти минутах ходьбы от метро "Третьяковская» в клубе. Это как раз по этой линии.

– А почему бы и нет? – решила она. – Я же никогда себе не прощу. Будет, что вспомнить.

– И рассказывать внукам, – добавил обрадовано Андрей. – Вот и ладненько.

Он выпрямился и увидел, что в вагоне стало свободней. Рыжая дылда шептала на весь вагон подруге с глазами Крупской:

– Дура ты. Я же тебе говорю, Мохов. Теперь видишь?

Увидев, что на него уставились другие, Андрей опять нагнулся к своей попутчице и повторил тихо:

– Вот и ладненько. Скоро наша остановка.

Пропуская ее вперед, он глянул на ее ноги, и они его не разочаровали. При ее маленьком росте они были довольно высокие и не спички. То, что надо. Теперь бы еще чуть таланта, ужесточил он свои требования, и фотогеничности. Бывает, в жизни глаз не оторвешь, а в кадре косорылая.

Подходя к зданию клуба, она слегка забеспокоилась, не увидев ожидаемой толпы. Но тут к его радости их обогнали три девушки, обернувшиеся, как по команде.

– Здравствуйте, – сказала одна из них, раскрыв рот в голливудской улыбке.

– Здравствуйте, – охотно отозвался Андрей. – Вы, девушки, конечно, на пробы?

– Да, да, – хором закивали они, заглядывая ему в глаза.

– Чудесно. У вас, я вижу, прекрасные шансы.

Подмигнув хитро своей спутнице, которую, как он узнал, звали Лидой, он пропустил ее перед дверью вперед, и они по лестнице поднялись на второй этаж, где находился гудевший улеем зал.

Андрей подвел Лиду к стоявшему на сцене худому лет сорока пяти мужчине в сером толстом свитере и, протягивая

руку, спросил:

– Можешь ее первой прослушать? – а Лиде шепнул. – Это Мытаркин Евгений Сергеевич, режиссер.

Мытаркин пробежал оценивающим взглядом чуть выпуклых карих глаз по Лиде с головы до ног, а чтобы увидеть ее со стороны, слегка склонил на бок голову. Результат оценки он выразил словом «угу». С ударением на втором слоге его можно было понять как одобрение.

– Можно где-нибудь отдельно? – настаивал Андрей.

Мытаркин вторично скользнул взглядом по Лиде, дважды угукнул, на этот раз без ударения, и кивнул стоявшему рядом маленькому толстому человеку с камерой на плече. Вчетвером они прошли за сцену, а там в одну из комнат длинного коридора, где режиссер уселся на стул у двери и велел Лиде прочитать любой отрывок или стихотворение. Андрей отобрал у нее сумочку и, ободряюще подмигнув, подтолкнул вперед.

Она вышла на середину комнаты, какое-то время стояла, глядя на пол, затем подняла руки до уровня плеч и плавно замахала ими, словно в полете. По дороге Андрей подсказал, что ее обязательно попросят что-нибудь прочитать наизусть. Это ее обрадовало. Уж что-что, а стихов она знала не счесть сколько, уйму. Вчера она прочитала Брюсова и всплакнула, вспомнив тетю Любу, умершую у нее на глазах. Они пробыли в одной палате больше года и породнились. Тетя Люба сня-

лась в сотне фильмов и была знакома со всеми известными артистами. Играла она в основном маленькие роли и уверяла, что играть их труднее, чем главные. В считанные минуты, а то и секунды нужно было выплеснуть больше души, чтобы зритель запомнил роль наряду с главной. Любовь Лебедеву в Советском Союзе знали от мала до велика, а умерла она в России в бедности и всеми забытая. Деньги на ее похороны собирали всей больницей. На кладбище Лиду отпустили под присмотром мамы. В автобусе она насчитала вместе с собой девять человек.

За несколько дней до смерти тетя Люба сказала ей: «Девочка моя, если, дай бог, ты решишься поступать в театральный, на прослушивании обязательно прочитай им своего „Мотылька“, как я тебя учила. Жаль, я не узнаю, как тобой будут восхищаться. Я не пророчу тебе долгую артистическую славу, но в единовременной не сомневаюсь. Ты помнишь старый фильм „Золушка“? Ее могут играть сколько угодно актрис, но на все времена останется только одна „Золушка“: в исполнении Янины Жеймо. А ведь это была ее почти единственная роль в кино. Твое очарование тоже мимолетно, еще два-три года, затем один бог знает, что станет с твоей внешностью, тем более при твоей болезни. А сейчас ты бесподобна».

Тетя Люба умерла всего год назад. Сейчас Лиде скоро двадцать. Год прошел, осталось два. Она сейчас попробует. Как ее учила тетя Люба.

Продолжая махать руками, Лида стала медленно ходить по кругу вокруг воображаемой оси и читать:

Я мотылек ночной. Послушно

Кружусь над яркостью свечи.

Сияет пламя равнодушно,

Но так ласкательны лучи.

– Стоп! – хлопнул в ладони недовольно режиссер. – Федор, встань в середину. Нет, сядь на жирный зад и води за ней. А ты, – сказал он Лиде, – поглядывай изредка в камеру. Она как бы пламя, поняла?

Оператор долго кряхтя усаживался на носовой платок. Глядя в глазок камеры, Лида продолжила читать. Когда пламя стало невыносимо и крылья вот-вот должны были вспыхнуть, она ускорила кружение и взмахи, и голос ее в последнем отчаянии зазвенел:

Хочу упиться смертью знойной,

Изведать сладости огня.

Еще один полет нестройный, И пламя обовьет меня.

Руки ее судорожно задрожали и упали, голос оборвался, а она сама опустилась на колени и склонила голову.

У нее не хватило мужества взглянуть на режиссера, а он молчал, и было слышно лишь кряхтение поднимавшегося оператора. Держа в поднятой руке камеру, он застыл на коленях с поднятым задом. Лида вскочила и стала помогать

ему. Встав на ноги, он начал шумно отдуваться. Поднимая платок, Лида наконец осмелилась взглянуть на Мытаркина. Он разговаривал с Андреем и был хмур. Она прислушалась.

– Тогда ее надо убивать, как я и предлагал вначале, – говорил Андрей. – Он ведь сгорает.

– Это с одной стороны. А с другой? – возражал Мытаркин. – Зритель поймет намек и будет уверен, что она погибнет. И тем приятнее будет для него счастливый конец. Слушай, – обратился он к Лиде, – а петь ты можешь? – и, увидев ее растерянность, пояснил. – Любое, что знаешь. Лучше бы что-нибудь грустное.

Ее папа, когда выпивал, часто пел «Гори, гори, моя звезда», и в его глазах стояли слезы. Он связывал эту песню со своей матерью, которую Лида не помнила. А теперь она сама в день его исчезновения поет маме эту песню, и они обе плачут.

Она думала, что Мытаркин остановит ее уже после первого куплета, но он не сделал это.

Тело отца так и не нашли. Только на третью годовщину исчезновения они догадались приклеить его фотографию на бабушкин памятник. Теперь им хоть есть куда ходить. Хотя бы символически. На ее глазах появились слезы, и голос задрожал.

– Угу-угу-угу, – проговорил Мытаркин, когда она закончила петь, и спросил. – Сколько тебе лет?

– Скоро двадцать.

– А я думал, ты еще учишься в школе. Лучше не придумашь. В сцене, которую ты сейчас сыграешь с Андреем, тебе скоро будет девятнадцать. Около года назад, за неделю до твоей свадьбы, твоего жениха Сергея на твоих глазах зверски убили, а тебя изнасиловал один из бандитов в маске. Ты что побелела? Не захочешь играть в этой сцене, заменим дублершей. Это не проблема, быстро подберем. Так вот. Родителей твоих тоже убили. Типичная история в наше время. Ты осталась совсем одна, без денег, и через некоторое время, встретив богатого парня Максима, которого играет Андрей, соглашаешься выйти за него замуж. И вдруг узнаешь в нем своего насильника. Разумеется, ты уж извини, в минуту близости. По-другому она его признать не могла. Я в этом не специалист, но женщины утверждают, узнать можно. Так вот. Ничего не сказав, она убежала от него и после мучительных раздумий все-таки решила вернуться, чтобы использовать его в розыске убийц своих родителей. Вот здесь сцена вашей встречи на следующее утро. Ты вся кипишь, но делаешь вид, что ничего не случилось. Все это должно быть на твоем лице. На, почитай и попробуй сыграть.

Мытаркин протянул Лиде лист. Она взяла, отошла к окну и стала читать. А он подозревал Андрея и спросил:

– Она о себе что-нибудь рассказала?

– Когда? Скажи спасибо, что привел. Сам видишь, не се-

кушка.

– Надо бы узнать, о ком она думала, когда пела. Видел ее слезы? Настоящие. Она о ком-то вспоминала. Я это почувствовал. Может, вставим эту песню? Как думаешь?

– Я об этом тоже подумал. У нас она родителей тоже вспоминает. Не обязательно эту песню, можно заказать.

– Не-ет. Другую песню она так не споет, а равной ей не будет. Молодежь ее не знает, а старикам будет приятно ее услышать.

Мытаркин посмотрел на Лиду. Она повторяла текст, глядя в потолок и шевеля губами. Улыбнувшись, он сказал Андрею:

– Зови и начинайте.

Андрей подошел к Лиде.

– Готова?

Она кивнула.

– Тогда начали.

– Я ее не понимаю.

– Кого ее? Риту? Что именно?

– Он мог быть причастным к убийству ее родителей, а она целуется с ним.

– И не только целуется. Потому что я буду рисковать жизнью, чтобы помочь тебе отыскать и наказать убийц твоих родителей.

Она задумалась.

– Я не знаю, смогла бы я. А их наказали? И она тоже уби-

вала?

– О, еще как! Без меня она расправилась сама с двумя убийцами Сергея. Одна. А со мной убила главного охранника, убийцу родителей. Но я все равно больше убил: главаря банды и кучу охранников. И что, за это меня противно поцеловать?

Она не улыбнулась и опять задумалась о чем-то своем. Когда ее молчанье затянулось, он спросил:

– Начнем?

...Она встрепенулась и вновь кивнула. Он махнул головой оператору и, отбежав к двери, крикнул:

– Рита! Наконец! Куда ты исчезла? Я тебе обзвонился.

Она не обернулась, вся напряглась, зажмурила глаза и сжала зубы. Андрей подбежал к ней, поцеловал в шею. Заглянув ей в глаза, он спросил с тревогой в голосе:

– Что случилось? Ты такая бледная.

Она вскинула на него глаза, долго смотрела, представляя такое же красивое. Андрей увидел в них такую неподдельную ненависть и презрение, что решил отступить от текста, будто догадавшись, что она узнала о нем правду. Он опустил покорно голову с выражением на лице: «Бей, но я люблю тебя». Лида опомнилась, взгляд ее потеплел, и она натянуто улыбнулась.

– Ничего не случилось, – ответила она с печалью в голосе. – Просто вспомнила папу... и маму, – поспешно добави-

ла она.

В тексте папы с мамой тоже не было. Андрей прижал ее голову к себе и сказал ласково:

– Все будет хорошо, успокойся, любимая. А я вот что купил, – вернулся он к тексту.

Он вынул из кармана коробочку и раскрыл ее. В ней лежало обручальное кольцо. Она вопросительно подняла на него глаза.

– Это тебе, – сказал он.

Господи, да ради того, чтобы найти моего отца, подумала она, я... Она вынула из коробочки кольцо, надела его на палец и, счастливо улыбнувшись, бросилась Андрею на шею. Держа ее на весу, он крепко прижал ее к себе и стал искать губами ее губы...

Мытаркин хлопнул в ладоши, сказал Андрею:

– Не забывайся, жене расскажу.

Андрей опустил Лиду на пол, вопросительно уставился на Мытаркина.

– Пойди за дверью, – сказал тот Лиде.

Она взяла со стула сумку, вышла в коридор. Слышно было, как гудел зал. От волнения ей захотелось в туалет. Она пошла по коридору, читая надписи на дверях, сделанные от руки на клочках бумаги: «Операторы», «Звукорежиссер», «Гримерная». Господи, господи, хоть бы они меня взяли, молила она бога, пусть не на эту, на любую другую роль. Я буду

самая несчастливая, если не возьмут. Только этого несчастья мне не хватало в жизни.

Наконец она отыскала нужную дверь. Там она подошла к зеркалу и поразилась лихорадочному блеску своих глаз. Ей вдруг захотелось петь и плясать. Но из кабины вышла девушка, еще одна показалась в двери. Лида придирчиво оглядела их, выискивая недостатки и с ревностью признавая, что обе они были красивее ее: высокие, эффектные. Ей стало жаль себя.

Она вышла в коридор и увидела Андрея. Он махал ей рукой. Сердце ее радостно забилося.

– За тобой бутылка, подруга, – сказал он, улыбаясь. – И еще кое-что.

Сценарий, который ей дал Мытаркин, она прочитала на одном дыхании, переживая за Риту, как за себя. Та, бедная, вообще осталась одна, не только без отца, но и без матери. Вот это Лида представить себе никак не могла, так как без мамы она ни за что не выжила бы. Когда она узнала, что папа пропал, она две недели ни капельки в рот не брала, так сильно хотела умереть, но потом пожалела маму.

А Рита – молодец. Оставшись совсем одна, не только выжила, но даже нашла в себе сил отомстить за родителей и жениха. Правда, когда с ней случились все эти несчастья, ей было не тринадцать лет, как Лиде, а целых восемнадцать,

так что была она далеко уже не девочкой во всех смыслах, и насиловали ее не несколько человек, а один, и не сделали то, что сделали с ней, после чего не лежала она столько лет в больнице, где смерть была реальностью, а жизнь казалась несбыточной мечтой. Если и были там у кого какие мысли, то лишь о том, как пережить наступающий день, и поблагодарить вечером бога за это. И все же даже там Лида иногда подумывала о том, что если ей посчастливится выздороветь и набраться сил, то обязательно попробует разузнать об отце. Не инопланетяне же его похитили, в конце концов?

Единственное, к чему она пришла длинными ночами, — это то, что его исчезновение каким-то образом связано со случившимся с ней. Денег у него с собой не было, и убивать его было не за что. Вероятнее всего, он надумал отыскать и наказать других ее насильников, возможно, даже напал на их след, и они убили его.

Сценарий разбередил эту ее незатухающую рану. Она надеялась отыскать в нем хоть какую-нибудь подсказку для себя. Но у Риты была немного другая ситуация, несколько проще. Конечно, чужая беда всегда кажется легче собственной, и все же Рита хотя бы могла по-человечески похоронить родителей и отыскивала их убийц по свежим следам, а не семь лет спустя, когда этих следов могло и не остаться. А главное, у нее нашелся хороший помощник и защитник, по воле сценариста оказавшийся ее же насильником, а тот, в свою

очередь, ее старым знакомым. Тут Лида горько усмехнулась, подумав об Игоре. В тот вечер на скамейке он тоже казался ей защитником, рядом с которым ей было не страшно.

Ее нисколько не удивило, что Рита признала в Максиме своего насильника во время их близости. Сама она запомнила своих насильников на всю жизнь, хотя видела одного Игоря. Из своего мимолетного страшного опыта она вынесла вывод, что во время полового акта у мужчин обнажаются их звериные инстинкты. К примеру, первого насильника она сравнила бы со злой кусачей собачонкой, последнего – с самым страшным медведем-гризли. А насильник перед ним походил на хрюкающую вонючую свинью. выкрикивающую какое-то слово, которого в человеческом языке-то нет.

Лишь один Игорь ставил ее в тупик. Она так и не смогла и не хотела сравнивать его с животным именно в тот момент, когда его увидела, потому что не могла забыть то удивительно сладостное чувство, испытанное с ним или подаренное ей им. Ничего подобного она не испытывала ни до ни тем более после.

Поэтому она до сих пор не знает, кем являлся Игорь на самом деле, и ответ на этот вопрос тоже хотела найти.

До его прихода в класс она совсем не интересовалась мальчиками. Возможно, виной этого был ее рост, самый маленький в классе, противоречивший общепризнанным параметрам женской красоты. Однажды она решила и измери-

ла себя. Рост ее с трудом дотягивал до метра сорока пяти при 75—49-74. Учитывая, что ее мама была средней упитанности, максимум, на что она могла рассчитывать к совершеннолетию, это на увеличение роста на два-три сантиметра и остальных параметров сантиметров на пять, что, в сущности, мало что изменило бы. После этого замера она совсем махнула на себя рукой и полностью отдалась одной учебе.

Приход Игоря в ее класс перевернул ее душу. Она не могла оторвать от него глаз, а, встретив его взгляд на себе, почувствовала всем сердцем, что и он испытывал то же самое.

Краем глаза она тогда видела, как все водили головами от него к ней, ничего не понимая. Она тоже не понимала, как такое может быть, но это было, и она была наверху блаженства. Она даже забыла про свой рост и лишь вспомнила о нем, когда прозвенел звонок. Всю перемену она просидела на месте, ловя на себе его взгляды. А во время следующего урока молила бога, чтобы ее не вызвали к доске. Но ее вызвали, и она ни разу не взглянула на него, боясь увидеть в его глазах разочарование. На второй перемене она вышла из класса вместе со всеми, стараясь выбросить его из головы. Но он подошел к ней и спросил, как ее зовут, а после уроков проводил ее до дома.

С того дня ее жизнь преобразилась, словно она перешла из темной комнаты в светлую. Если раньше она спешила из лица домой, то теперь, напротив, не могла дождаться утра, чтобы пойти в него. И если до этого четверка была

для нее досадной неприятностью, на которую можно было махнуть рукой, то теперь она могла расплакаться из-за нее. Но их, слава богу, стало все меньше и меньше.

Труднее всего было ей заставить себя вспомнить тот страшный вечер.

А начался он сказочно со дня рождения Игоря. Ляля впервые познакомилась с его родителями. Они ей очень понравились, и с ней они были дружелюбнее, чем с другими девочками. Игорь не отходил от нее ни на минуту, танцевал только с ней и пошел ее провожать. Разговорившись, они не заметили, как оказались в парке. Она чувствовала, что услышит от Игоря то, что хотела услышать. И это почти произошло, когда он сказал, что у нее глаза в три раза крупнее, чем у Зины Пиманкиной и сияют. А как, так и не сказал. Или не успел. Она почему-то была в этом уверена. И у нее не поворачивался язык назвать его поддонком, хотя, возможно, так и было. Но тогда почему у него была кровь на лице? Читая сценарий, она так и хотела сравнить его с Максимом. Она не знала, какое животное напомнил Максим Рите, но Лиде он представлялся преданным и, что она особенно ценила, храбрым псом. Ради Риты он не побоялся выступить против своего шефа, оказавшегося главарем преступной банды. Он сам ей признался, что, узнав тогда о ее предстоящей свадьбе, не смог совладеть с охватившим его чувством ревности и нанял двоих охранников фирмы помочь ему изнасиловать ее

на глазах жениха в надежде, что после этого их свадьба расстроится. Но жених оказал неожиданно яростное сопротивление, выбив одному охраннику зуб и подбив другому глаз, за что те убили его. Максим в ярости порвал на их глазах обещанные им деньги.

Несколько раз она ловила себя на желании, чтобы Игорь стал ее Максимом.

Что не понравилось Лиде в сценарии, так это наличие в нем многих условностей, казавшихся ей важными. Где, к примеру, взяла Рита снайперскую винтовку и когда и где успела научиться так хорошо стрелять и овладеть разными приемами борьбы? А Лида не то, что снайперскую, игрушечную винтовку сроду в руках не держала и совсем не умела драться, о чем Мытаркин, конечно же, не догадывался, беря ее на роль Риты. Если он об этом узнает, испуганно подумала она, то обязательно раздумает ее брать.

Она отложила сценарий и в панике заметалась по комнате, не зная, что делать. Успокоившись, она стала думать. Ее обнадежило, что до начала съемок у нее оставалось еще три дня. Срок небольшой, но все-таки что-то. Она вспомнила, что в соседнем дворе, на территории бывшего детсада, работал коммерческий физкультурно-оздоровительный комплекс. Рекламы об этом ФОКе кричали со всех столбов. Еще до того, как его обнесли высоченным забором, Лида не раз видела через окно занимавшихся борьбой ребят. Сре-

ди них были и девушки.

Она взяла в гардеробе деньги и выбежала из дома. Вышедший к ней из железной двери парень в красивой черной форме, на которой не хватало только свастики, оглядел ее с головы до ног и спросил:

– К массажисту? – Услышав, что ей надо в секцию борьбы, он разочарованно махнул рукой за спину в глубину двора. – Это в соседнем корпусе. Вход с другой стороны. А то иди к нам. Ты бы подошла. У нас есть курсы массажисток. Обучаем бесплатно. Подумай, а? Не пожалеешь. Я бы был твоим первым клиентом.

Лида пообещала подумать и поспешила к другому входу. Она слышала, что в ФОКе под видом массажисток работают проститутки. Некоторых из них она встречала у дома. Всякий раз ее удивляло, что выглядели они неплохо и жалости к себе не вызывали. Она не могла представить, чтобы на это шли добровольно

Второй охранник молча направил ее в администрацию, где ей посоветовали для начала походить в группу домохозяйек. Узнав, что эта группа работала сегодня, она тут же записалась.

Кроме нее в группе были еще четыре женщины. Одна из них, крупная и громкоголосая, рассказала, что недавно подверглась ограблению. Больше всего ее расстроило, что он был в два раза ниже ее, она могла бы убить его одним ударом,

а вместо этого сама послушно протянула сумку с шестьюдесятью рублями, а главное, с лучшей фотографией внука. Хорошо еще, что он не изнасиловал ее, а то муж ни за что не простил бы ее.

Придти на занятие были причины и у других женщин. Выслушав сочувственно их рассказы, тренер Маргарита Витальевна, хрупкая с виду и уже в возрасте, в паре с огромным парнем продемонстрировала, на что способна женщина при отражении нападения на нее. Она так отделала парня, будто бы пытавшегося отнять у нее сумку, что тот едва уполз от нее на карачках. Больше всего досталось его паху. Тренер успокоила домохозяек, что там у него проложена твердая прокладка, и жалеть нужно не его, а костяшки ее пальцев.

Лида очень старалась на занятии и удостоилась похвалы тренера. Она слегка задержалась после занятий, заглядывая в другие залы, и они вышли вместе. Маргарита Витальевна снова похвалила ее за усердие и вдруг поинтересовалась:

– У тебя есть особая причина придти к нам?

– Сейчас она у всех одна, – уклончиво ответила Лида, однако, увидев, что Маргарита Витальевна продолжает идти рядом в направлении к ее дому, неожиданно для себя добавила. – Мне по работе обязательно нужно за три дня научиться драться или хотя бы иметь представление о том, как это делается.

– Кто-нибудь домогается и предъявил ультиматум?

Наверное, оттого, что в голосе тренера не было насмеш-

ки, а, напротив, сквозила тревога, Лида честно призналась, что ей предложили в кино роль девушки, которая мстит за смерть родителей и жениха. Там она и дерется и стреляет, а Лида ничего этого делать не умеет и боится, что, узнав об этом, режиссер передумает ее брать.

– Тебя об этом на пробах спрашивали?

– Нет. Наверное, забыли

– Успокойся, они не забыли. Для этого есть дублеры. Я знаю, я когда-то была одной из них.

– О дублерах они говорили мне совсем по другому поводу.

Маргарита Витальевна внимательно посмотрела на Лиду и, увидев, что она остановилась у подъезда, решительно проговорила:

– Давай сделаем вот что. В шесть тридцать утра жди меня на школьном стадионе. Мы полчаса побегаем, а потом пойдем в наш тренажерный зал. Согласна?

Лида радостно кивнула.

– Запомни, – сказала Маргарита Витальевна. – Сила и умение драться – все это вторично. Главное – твердость духа и решительность. У тебя, я вижу, они есть. Все у тебя получится.

Через три дня, получив благословение Маргариты Витальевны, Лида входила в кабинет Мытаркина, чуть уставшая, но с более или менее чистой совестью, имея хотя бы теоре-

тически представление о видах борьбы. Совсем не случайно на ней был вельветовый джинсовый костюм, а на голове кепка с большим козырьком, под которым огромные под цвет костюма глаза горели решимостью дать отпор любому обидчику. Весомым подтверждением этому был также лежавший в ее перекинутой через плечо сумке крохотный газовый пистолет, иметь который всем домохозяйкам порекомендовала Маргарита Витальевна, рекламой и продажей которого она попутно занималась. Всех подкупило, что на его ношение не требовалось разрешение милиции и по цене он был доступен даже пенсионеркам. Маргарита тут же обучила ее, как им пользоваться: «Выхватываешь, нажимаешь и в морду».

Но до Мытаркина Лидина решимость почему-то не дошла. Оглядев ее, он потянулся к телефону и сказал:

– Кроткова ко мне.

Вошедший в кабинет молодой человек был высок, широкоплеч, голубоглаз и с есенинским пробором посередине светлых кудрей. Он не безразлично взглянул на Лиду и молча уставился на Мытаркина. Тот сказал ему:

– Познакомься – наша героиня, зовут Лида. А этот Есенин, – повернулся режиссер к Лиде, – в жизни почему-то Кротков Саша – наш завхоз, моя правая рука, а для души еще и каскадер. Нет ничего на свете, чтобы он не делал лучше других. Но и у него есть недостаток: слишком болтлив. Аж в ушах свербит. – Мытаркин посерьезнел и сказал Саше. – Поскольку наш отъезд задерживается, займись-ка ты Лидой,

свози ее в свой спортклуб, пусть она там жирок свой расстрясет. Если сценарий осилил, то должен знать, что она там запросто расправляется с преступниками, пролезает во все дыры, убегая от них. Да и вот что. Обучи ее стрельбе, в жизни ей пригодится. Если не умеет, покажи, в какую сторону крутить баранку. Понятно, да?

Лиде очень хотелось сказать, что она уже не та, что была три дня назад, но подумала, что лишняя тренировка ей не повредит, и промолчала.

Она никогда не забудет, как впервые выстрелила. Мишенью был человеческий силуэт по пояс. Саша подал ей пистолет, для первого раза поддерживая ей руку, и сам нацелил на грудь. Когда он отступил назад, она перевела мушку выше, туда, где должен быть ревущий или произносящий непонятное слово рот, дождавшийся, наконец, своего часа.

Надавив на курок и не ожидая такого громкого звука и такой сильной отдачи, она выронила пистолет и виновато посмотрела на Сашу. Он молча поднял пистолет и вернул ей. Она вновь выстрелила в рот. На этот раз пистолет она удержала. Увидев, что она опять целится не в грудь, стоявший рядом Саша спросил:

– Конкретно?

Она кивнула. Саша ткнул себя пальцем в грудь.

– Надежнее. Потом, куда хочешь.

Через неделю она попадала в рот с первого раза.

Остальное далось ей легче. У папы были «Жигули», и она быстро вспомнила, чему он ее обучил. Уже через три дня Саша разрешил ей вести свою «девятку» по тихим переулкам в спортзал. Там он сразу догадался, что и здесь она кое-что смыслит. Сам он владел практически всеми видами борьбы, а любимым у него было – «кунфу». Лида с замиранием сердца смотрела, как он взлетал в воздух и бил босыми ногами по груше. Кое-каким похожим приемам он обучил и ее, но больше заставлял подниматься по канату, лазать по шведской стенке, бегать по бревну. И целый вечер отрабатывал с ней уже известный ей прием отражения внезапного нападения. На последнем занятии он подвел к ней парня с не очень приятной рожей и сказал:

– Поработайте.

А сам демонстративно вышел из зала, оставив их наедине. Парень оглядел ее и спросил с щербатой ухмылкой:

– Ты как, сама добровольно под меня ляжешь или через сальто-мортале?

Не успела она разозлиться, как он схватил ее за руку, крутанул и обхватил сзади за шею. Ее попытки вырваться ни к чему не привели. А парень, хихикая, уже хватал ее за грудь. На миг она испугалась и перенеслась в ту страшную ночь, но быстро вспомнив наставления Маргариты Витальевны и Саши, ухватила парня за руку, с силой наступила на ногу, двинув одновременно локтем в живот. Когда рука, сжимавшая ее шею, ослабла, она развернулась и врезала ко-

лением между ног парня. Она удивилась, услышав его крик, будто убили насмерть.

Их тотчас окружили, прибежал обеспокоенный Саша, но увидев согнувшегося парня, засмеялся и похвалил Лиду.

– Я ее нарочно лапал, а она ударила всерьез, – пожаловался ему парень. – Подумаешь, недотрога.

Саша нахмурился и направился к нему. Тот вскочил и, держась за живот, убежал. Больше Лида его не видела.

– Саша, я хочу еще заниматься, – попросила она.

Она научилась лазать по канатам, прыгать с высоты на пу-
стые коробки, ходить по карнизу балкона.

У нее началась совсем другая жизнь, не похожая на прежнюю, бедную и серую. Выйдя из больницы в последний раз год назад, она хотела пойти работать и помочь матери, получавшей мизерную зарплату, но та настояла, чтобы дочь вначале закончила школу, а сама, чтобы прокормить их обеих, ушла из института и устроилась с помощью друзей мужа работать на газозаправочную станцию. С деньгами заметно полегчало, но Лиде не нравилось, что мама приходила очень усталой и нередко выпившей.

Из-за своей длительной болезни она смогла закончить лишь восемь классов. Идти в восемнадцать лет в дневную школу к малолеткам она посчитала стыдным для себя и отважилась на сдачу выпускного экзамена экстерном. Год не вы-

лезала она из-за стола, превратилась в былинку и шаталась без ветра, но аттестат зрелости получила. Троек в нем оказалось предостаточно, и поэтому поступать в этом году в институт без дополнительной подготовки она разумно посчитала бесполезным. Да и засомневалась, нужно ли это делать в новых условиях. Когда-то она хотела пойти по стопам мамы, став филологом. А кому сейчас они нужны? Чтобы работать на бензоколонке? Да еще, если повезет туда устроиться. А на какие деньги учиться? Бесплатной учебы в стране не стало.

Единственная слабая надежда была у нее на театральный институт или какую-нибудь актерскую студию, куда, как она надеялась, должны были принимать по божьему дару. Только как узнать, есть ли он у нее? Тетя Люба говорила, что есть.

И вот эта встреча с Андреем. Значит, все-таки он в ней сидит, этот дар актрисы. Ей все об этом говорили с детства. Но в детстве многим говорят об их талантах, только реализуются они очень редко. Поэтому она не придавала особого значения предсказаниям в отношении себя да и не до этого ей было в больнице. А тетя Люба даже там его в ней рассмотрела и верила в нее.

Она несколько раз была на ее могиле. На ней нет памятника, лишь железный крест с кособокой надписью: «Лебедева Л. И. 1925—98.» Хорошо хоть есть, куда к ней ходить. А у папы и того нет.

Господи, господи, молилась она, только бы это не было

сном. А то проснись и снова беспросветная темнота.

В том, что это не было сном, она окончательно убедилась на начавшихся съемках, где ей было не до сна как из-за напряженной работы, так и из-за непривычной для нее обстановки, в которой она оказалась и где поняла, насколько она отстала от жизни. Она совершенно не была готова к общению с людьми и тем более с киношниками с их свободными нравами, живя все еще той старой жизнью с понятиями и ценностями, привитыми ей безумно любившими друг друга родителями. А тут было все наоборот.

В городишке, где проводились съемки, находившемся в пятидесяти километрах от Москвы, были, по мнению Мытаркина, идеальные условия работы: сравнительное спокойствие, здания и пейзаж на любой вкус. В полное распоряжение киногруппы была предоставлена уютная двухэтажная гостиница со своей кухней. Сами съемки велись в основном на территории бывшего профсоюзного санатория, отданного в аренду коммерческим фирмам. Те, в свою очередь, охотно предоставляли в целях саморекламы киношникам свои офисы.

Мытаркин поставил задачу закончить съемки к началу зимы, и работа велась с утра до вечера, без выходных. Некоторые сцены снимали по много раз, в основном из-за Лиды. Андрей играл безупречно, и она многому научилась у него. Максима он будто не играл, а был им в жизни. В сцене встречи с Ритой он ничем не отличался от себя в метро, голос, же-

сты – все было, как тогда, ничего театрального. Она не знала, хорошо это или плохо, но верила ему, старалась также играть. В сцене насилия над Ритой, где Андрей играл так, словно всю жизнь занимался только этим, она оказала ему настоящее сопротивление, какое бы оказала сейчас своим насильникам. Она была уже не та и чувствовала, как менялась на глазах, становясь уверенней и сильнее, чего ей так не хватало раньше. И упорно продолжала работать в этом ключе.

В первое же утро, следуя совету Маргариты Витальевны, она вышла во двор гостиницы и стала делать зарядку. Ее увидел возвращавшийся с утренней пробежки Саша и так обрадовался встрече с потенциальной напарницей, что весь так и засиял, и на следующее утро они бежала вместе. Специально из-за нее Саша укоротил маршрут и ослабил свои упражнения, но через неделю уже не делал ей скидок, чему она была только рада. А по вечерам продолжил водить ее в местный тренажерный зал, такой, как в ФОКе.

Мытаркин был рад, что многие трюки она делала сама, но больше радовалась она сама оттого, что перестала отличаться от других.

Позже она узнала, что в сцене насилия над Ритой, которую она ожидала со страхом, дублерша не понадобилась, и, к своему удивлению, восприняла это совершенно спокойно. «Ну и что? – сказала она себе. – Буду только рада, если у меня есть, на что посмотреть».

Смотреть, вероятно, было на что, если именно в этот день Андрей пригласил ее в ресторан поужинать. Об этом мечтали все женщины съемочной группы, и она с радостью согласилась. Но лучше бы она отказалась.

А в ресторане, где она была впервые в жизни, ей было бесконечно приятно, что все смотрели на них. Она была Андрею очень благодарна, о чем и сказала, когда они подошли к ее двери в гостинице.

– И это все? – искренне удивился он. – Ты не при... ик! ...пardon... гласишь меня к себе или не пойдешь ко мне?

– Уже поздно, – также искренне ответила она.

– Тем более не будем терять время. – Он нагнулся и поцеловал ее в губы, разжимая их твердым слюнявым языком.

Он много выпил, и от него густо несло спиртным. Она отстранилась и сказала мягко:

– Иди спать, уже второй час.

– Не понял, – поднял он брови. – Неужели еще девочка? Это же аномалия в наши дни. Пора нормали... ик!...пardon... зоваться.

Внимательно посмотрев на него, она отвернулась и стала открывать дверь. Не успела она ее захлопнуть за собой, как он проскочил в комнату и, усевшись за стол, потребовал:

– Хочу чая. Или кофе, не имеет значения.

Она послушно стала кипятить в чашке воду, а он, не спуская с нее прищуренных глаз, говорил:

– И все-таки... ик!...пardon... я не могу поверить. Тогда

почему не я первый? Неужели не подхожу? Тогда кто? Сашка – муму? Ошибаешься. В этом деле мне дублер не нужен. И не дальнови... ик!...пардон... дно. Кто он и кто я? Ты бы могла быть моей постоянной партнершей. С Женькой мы сейчас обдумываем сериал по «Асе» Тургенева... А, понял. Ты хочешь поиграть в изнасилование? Как Рита, да? А что? Это даже ин... ик! пардон... тересней. Так я еще не пробовал. Под меня сами все ложатся.

Она молча поставила перед ним чашку с чаем и взглянула на него так, что он поднялся и вскинул вверх руки. Проходя мимо, он вдруг обнял ее, поднял, положил на кровать и взобрался на нее верхом. Не дав ей опомниться он моментально расстегнул ей блузку, сдвинул вверх лифчик и приник ртом к груди. Одновременно его рука оттягивала ее трусы под юбкой.

Днем она знала, что она на съемках, а сейчас он был такой же насильник, как и те. Ярость вспыхнула в ней. Она бешено рванулась, они скатились на пол. Ему все же удалось ее удержать, и она оказалась на нем.

– Пусти! – выдавила она зло. – Я закричу.

Блудливо хихикая, он легко приподнял ее и усадил себе на колени, задрав юбку. Ей в живот уперся его уже вынутый из брюк налитый звериной силой член.

Страх, гнев и отвращение переполняли ее. Страх быстро отступил. Она опять рванулась, схватила стоявший под столом утюг и с размаху опустила его на прилипшую к груди го-

лову. Державшие ее руки ослабли, тело обмякло, и она вско-
чила.

Андрей продолжал лежать без движения. Глаза его были закрыты.

Оцепенев, она стояла над ним, думая, как ему помочь, если он еще жив. Затем, опустившись на колени, она приложила ухо к его груди, но слышала лишь громкий стук своего сердца.

Надо было что-то делать, а что, она не знала. Думая об этом, она натянула лифчик на грудь, застегнула на блузке пуговицы и выбежала в коридор. Ноги сами повели ее к Сашиной двери.

Не подумав, что у него мог кто-то быть (каждый вечер перед гостиницей толпились студентки педучилища рядом, которые при виде Саши и Андрея падали в обморок) и постучала в дверь.

Саша открыл, не спрашивая. Взглянув на ее лицо, он спросил тревожно:

– Что?

– Саша, пойдем ко мне. Кажется, я его убила.

Только сейчас она заметила, что он был в одних трусах. Ожидая его, она нетерпеливо переступала с ноги на ногу.

Когда он вышел, она побежала впереди его, мечтая, чтобы Андрей встретил их. Но он продолжал лежать в том же положении.

Саша нагнулся над ним, двумя пальцами брезгливо натянул трусы на опавший член и застегнул молнию. Затем, прощупав на руке пульс и приподняв веки, он рывком поднял Андрея и привалил спиной к кровати. Голова Андрея безжизненно повисла. Не глядя на него, Саша поднял утюг, осмотрел его и положил на полку в гардеробе. Вернувшись к Андрею, он довольно сильно похлопал его по щекам. Тот оттопырил губы, выпустил слюну и приоткрыл глаза. Их взгляд был бессмысленным.

Саша поставил Андрея на ноги, закинул его руку себе за плечо и повел к двери мимо прижавшейся к двери Лиды. Выглядывая из двери, она видела, как они вошли в номер Андрея. Она надеялась, что Саша на обратном пути зайдет к ней, и она расскажет ему, что случилось, но он, выйдя из номера, лишь глянул в ее сторону и показал рукой, чтобы она шла спать.

Но она долго не могла уснуть и несколько раз всплакнула, а когда заснула, к ней, как возмездие, опять пришли кошмары воспоминаний, державшие ее, как в плену. Она знала, что вырваться из него еще не настало время, и помочь ей в этом должен не Андрей, а другой. Теперь и с ним у нее испортятся отношения. К сожалению, он будет не первым.

Первым был Егор, игравший убитого жениха Риты Сергея. Он учился во ВГИКе, был полноватым медлительным очкариком с надутыми щеками. Лида представляла Сергея

другим, тонким с гордо вскинутой головой, и долго не могла влюбить себя в него, хотя он был смазлив и явно талантлив как актер. Мытаркин как раз сделал упор на его не шварценегерскую внешность. С бандитами Егор дрался неумело, но отважно и умер со словами «Рита». У женщин, присутствовавших при этой сцене, на глазах стояли слезы. Плакала и Лида.

Хорош был Егор и в любовной сцене. Правда, с ним Рита лишь целовалась, но делал он это так, будто на самом деле был от нее без ума. Тут она ему явно уступала.

– В чем дело? – отвел ее в сторону Мытаркин.

Она хотела ответить, что Егор ей не нравится, но он это понял сам, по-отечески улыбнулся, даже погладил по голове и проговорил ласково:

– Ладно, потом повторим. Пообщайся с ним, приглядишься. Он вроде в жизни не плохой. А вообще-то, – он посуровел, – если потребуется, будешь и со мной целоваться.

– С вами буду, – ответила она серьезно и улыбнулась, увидев, как он покраснел.

Однако Егор не понравился ей еще больше. То, что отложили съемку, он воспринял по-своему.

– Ничего, старуха, не расстраивайся, – снисходительно сказал он, обнимая ее за плечи. – На десятый раз получится. Вот что значит не учиться во ВГИКе. – А когда входили в гостиницу, спросил ее. – К тебе или ко мне? – Увидев, что

она молчит, он предложил. – Давай лучше ко мне. Бутылка Хванчкары для тебя есть, а за водкой я слетаю. Ты жрать очень хочешь? Может, на ужин не пойдем, а сразу приступим, а?

Ее отказ несколько не огорчил его.

– Когда сможешь, моргни, – сказал он ей при прощанье. – Я всегда в твоём распоряжении. У меня ведь прокладок нет.

А вот Андрей заметно обиделся. На завтрак утром он не явился, а на съёмке подошел к ней и, глядя поверх головы, буркнул:

– Извини, подруга, больше не буду.

И с тех пор ни слова, только на съёмках. Иногда она даже чувствовала себя виноватой перед ним. Как-никак он ее отыскал и привел к Мытаркину. И она у него многому научилась. Она понимала свою ущербность в этом деле по сравнению с другими, а поделаться с собой ничего не могла.

Неожиданные трудности возникли у нее там, где она их меньше всего ожидала. Уже набравшая определенный опыт и увидев, что у нее в основном получается, и все ее хвалят, она удивилась, когда Мытаркин по много раз стал заставлять ее переигрывать сцены, в которых, по его мнению, она играла хорошо.

– Не то, все не то, – повторял он сердито.

– Я не пойму, что вы от меня хотите? – в сердцах спросила она. – Что именно вам не нравится?

– Все! В первую очередь ты не нравишься, хотя ты играешь не плохо. Но не так, как я хотел бы.

– Тогда я совсем ничего не понимаю. Играю не плохо, а вам это не нравится. Скажите, что вы от меня хотите?

– Представь себе, что у тебя бандиты убили отца и мать.

Она не могла представить, чтобы у нее убили еще и мать, но послушно кивнула.

– Что бы ты сделала в этом случае? Если судить по тому, как ты играешь, в лучшем случае ты поставила бы им памятник и два-три раза в год приходила на могилу и плакала. Как делает, к сожалению, большинство.

– А что я еще могу сделать? – тихо спросила она.

Мытаркин словно ожидал этого вопроса.

– Вот! В этом все и дело! Прежде всего нужно задать себе этот вопрос! Но его никто не задает, потому что уверен заранее, что ничего не сможет сделать. А преступники об этом знают и никого не боятся. А ты попробуй помозговать, что ты сможешь сделать в своем случае. Не обязательно в таком, как с Ритой. И знай, что преступник храбр лишь с теми, кто его боится. Тут не обязательно быть сильнее его физически. Главное, быть сильнее его духом, волей. Да, таких мало, согласен. Но они есть! А их должно быть много! Для этого я и снимаю фильм. Я имею в виду таких, которые, приходя на кладбище, не могут спокойно смотреть в глаза убитым на фотографии, отводят в сторону взгляд, потому что им кажется, что покойники смотрят на них с укором, требуя воз-

мездия. Такие люди не могут спать ночью и однажды вскакивают с горящими глазами и приказывают себе: «Все! Ты должен что-то сделать!»

– Но я действительно не знаю, что смогу сделать! – воскликнула Лида со слезами на глазах и с такой страстью, что режиссер выкатил еще больше глаза и заорал в ответ:

– Вот так хорошо! А теперь спроси себя, готова ли ты умереть ради этого?

– Откуда я знаю, если я даже мышей боюсь? – спросила она растерянно. И вдруг добавила горячим шепотом. – Да я готова! Готова!

– Федор! Где ты, черт тебя побери!

Молодой человек в черной кожаной куртке с тысячью молний и в темных очках подошел к двери на седьмом этаже дома на Борисовских прудах и позвонил. Отозвавшемуся мужскому голосу он пояснил:

– Я ищу бывших жильцов вашей квартиры.

– Как фамилия?

– Петровы. Они уехали отсюда шесть лет назад.

– О, о таких я даже не слышал. До меня здесь жил Гриша Цукерман, по нашему Сахаров, а не Петров.

– Вы не дадите мне его телефон и адрес?

– В Израиле? Этот морж продал в один день троим эту квартиру и смылся туда. А я из судов до сих пор не вылезаю.

Вопросы еще есть?

– Нет, спасибо.

Он поднялся по лестнице до окна и закурил. Хорошенькое начало, невесело подумал он. Но еще не вечер – лишь утро. Докурив, он спустился и позвонил в соседнюю квартиру. Тоже мужскому голосу, но побасистее, он представился племянником Сергея Ивановича Петрова.

– Не рано ли спохватился о нем? – вполне резонно поинтересовался голос.

– Я живу в Южно-Сахалинске. Оттуда часто не наездишь. А на наши письма он не отвечал.

– Тогда понятно, извини. Представляю, сколько билет отсюда сейчас стоит. К сожалению, новый адрес твоего дяди мы не знаем. Ты хоть знаешь про их несчастье, отчего они отсюда уехали?

– Какое еще несчастье? – спросил человек с испугом в голосе. – С кем? С дядей Сережей?

За дверью послышался приглушенный голос: «Рай, я выйду. Подстрахуй на всякий случай», – после чего дверь открылась, и в ней показался метра под два и килограмм под сто пятьдесят мужчина, сопровождаемый испуганным женским криком: «Жорик, ты с ума сошел! Не выходи!»

Жорик поспешно прикрыл дверь и шепнул, указывая глазами за спину:

– Боится за меня, понял? Ты что, правда ничего не знаешь?

– Откуда, если писем не было?

– Ляльку ты хоть знал?

– А как же? Мы приезжали сюда, когда ей было лет восемь. Что, с ней что-нибудь случилось?

Жорик рассказал, что в тринадцать лет Ляльку зверски изнасиловали, и они тут же поменяли квартиру. С тех пор о них ни слуху ни духу. Что с ней стало, никто не знает. Ходил слух, что померла.

Человек достал сигареты, закурил. Опомнившись, он протянул пачку Жорику. Тот обернулся на дверь, но тоже закурил. Человек спросил:

– Кто может о них знать? Друзья у них в этом доме были?

– Они тоже ничего не знают. Сами нас спрашивали.

– Я знаю, что у дяди Сережи была машина. Где он ее держал?

– Это я не знаю. Но не у подъезда.

– В последнее время он не работал, это мы знали. А в каком институте преподавала Галина Ивановна?

– В МОПИ! – слышался женский за дверью женский голос.

– Слышал, да? В МОПИ. Она нашей дочери иногда подсказывала. Ох, она ведь какая ученая по литературе баба.

– ЖЭК у вас где?

– Во втором подъезде. Он по средам работает с шести вечера. Только у нас не ЖЭК, а правление ЖСК.

Человек поблагодарил и, на всякий случай, обзвонил

оставшиеся две квартиры. Женщина, открывшая дверь, сама стала выпытывать у него, куда подевались Петровы, а вот мужской старческий голос сказал, что Сергей Иванович держал свою машину в гараже у платформы.

Он поехал к платформе и сразу увидел заброшенный гараж. На стенде возле сторожевой будки в списке должников он вычитал, что за Петровым С. И. числился самый большой долг.

– Дед, не дашь мне телефон Петрова? – спросил он сторожа. – Хочу купить у него гараж, раз он так долго не платит.

– За четыре года, что я здесь работаю, в его гараж никто ни разу не навещался, – сказал сторож. – А телефон и адрес могу дать, если сбегашь за пивом.

Пока он ездил к ларьку, сторож отыскал обещанное. Телефон и адрес оказались старыми.

Полмесяца назад платная справочная выдала ему полученный в компьютере список со ста шестью Петровыми Сергеем Ивановичами в возрасте от сорока до пятидесяти пяти лет. За это время он обзвонил их всех, но нигде не оказалось одновременно жен Галин Ивановн и дочерей Ляль или Лад.

Оставалась надежда на ЖСК и МОПИ.

Глава вторая

В ту ночь, после разговора с Мытаркиным, Лида увидела во сне плиты. Ими было усеяно все поле, а она как бы парила над ним. Плиты шевелились, как трава от ветра. Месяца через два после исчезновения папы он явился к маме во сне и пожаловался на тяжелую плиту, которая давит на него. Мама ходила к знахарке. Та сказала, что лежит он под толстой плитой, а покойники не любят, когда на них давит тяжесть, вот он и попросил, чтобы она сняла с него эту плиту. А как ее найти, знахарка не знала.

Постепенно мама примирилась с тем, что папу уже не найти. Но Лида никак не могла, а после разговора с режиссером поняла, что обязана что-то делать.

Только, как и что, вот в чем вопрос. И с кого начать?

Она решила все-таки начать с Игоря. Во-первых, он был единственным, кого она видела. Во-вторых, она так и не смогла заставить себя поверить, что организатором насилия над ней был он, как это утверждал приезжавший к ней в больницу следователь. Он задал ей единственный вопрос: был ли там Игорь? Говорить она не могла и кивнула, за что он ее поблагодарил, сказав, что это очень важное показание, полностью доказывавшее вину Игоря как организатора преступления, которое у него, как оказалось, было не единствен-

ным. Не пояснив, что он имел в виду, следовательно быстро уехал и больше не появлялся. Она до сих пор не знает, чем закончился суд над Игорем, и осудили ли других. Никто на нем не был: она — понятно, почему, мама не вылезала от нее из больницы, а папа к тому времени уже исчез.

Проще всего было позвонить Игорю домой и узнать, что с ним. Если он в тюрьме или сидел в ней, то это подтвердит ее догадку, что он был такой же жертвой, как и она. А если с ним ничего тогда не было, значит, он и был организатором.

Его номер телефона она никогда не забывала и несколько раз подходила к телефону в гостинице, но что-то ее удерживало. Нет, она не боялась, что он мог с ней что-то сделать: страшнее того, что с ней сделали, уже не может быть. Она опасалась, что ее появление в Сабурове могло спугнуть преступников да и встречаться там она ни с кем не желала.

Поэтому она хотела, как можно дольше не заявлять о себе. Она все продумала. Несколько недель она внимательно наблюдала, как гример-художник Камелия Спиридоновна работала над ее лицом, превращая его, то в пожилую американку, то в двенадцатилетнего мальчишку, то в красавицу Риту спешившую на свидание.

Оставалось лишь дожидаться, когда Мытаркин ее отпустит в Москву. Каждый вечер туда кто-нибудь обязательно уезжал, и она могла бы съездить домой и раньше, но лишь на ночь, а ей нужен был день, лучше не один. Наконец он сказал ей, что у нее свободны целых два дня. Андрей знал

об этом, но даже не предложил ей поехать с ним, а Саша специально отпросился для того, чтобы отвезти ее.

Вот уж с кем ей всегда было хорошо. Они могли обменяться за всю дорогу лишь парой слов, а ей казалось, что они все время разговаривали. Ей даже казалось, что и об Андрее они поговорили, хотя Саша так ничего и не спросил.

Высадив ее у дома, он сказал, что будет ждать ее на этом месте завтра в восемь вечера и, кивнув, уехал.

Ей не составило труда состарить до неузнаваемости свое лицо, после чего подобрать под него одежду из маминого гардероба.

В Сабурово она поехала днем в расчете на то, что родители Игоря в это время должны были находиться на работе, а сам он в институте. Она почему-то была уверена, что, если он сидел, то из тюрьмы уже должен был выйти.

Для проверки она позвонила ему домой со станции метро «Каширская» и, убедившись, что там никого нет, смело поехала к его дому. Там она поднялась на его этаж и позвонила в соседнюю квартиру.

Прежде, чем впустить ее, женский голос долго пытал, кто она и зачем. Она сказала, что приехала издалека, давно не видела Елену Николаевну и хотела бы узнать, как у нее дела.

В квартире, помимо впустившей ее старушки, в кресле сидел седой старик, так ни разу не приставший. Судя по тому, как старушка заботливо прикрывала его ноги пледом, вероятно, они у него не ходили. Зато у него оказался зычный голос и говорил в основном он.

Они оба безоговорочно поверили, что она недавно вернулась из Новой Зеландии, откуда послала Елене Николаевне с десятков писем, не получив ответа. Ее номера телефона она, к сожалению, не знала и поэтому приехала узнать, что случилось.

Старушка открыла было рот, но старик ее опередил и закричал:

– Ничего не вижу удивительного в том, что она не получила ваших писем. С ними у нас прямо беда. Сначала ящики взламывали из-за газет. Когда их перестали выписывать, начали разносить рекламу и забивать ими ящики, а вместе с нею выбрасывать письма. За письмами сына мать каждую неделю бегаёт на почту. А за абонементный ящик опять же нужно платить, но другого выхода нет.

– А ведь у них какая беда приключилась, – вмешалась старушка, – ох, какая беда.

– Мать! – закричал старик так громко, что Лида вздрогнула. – Я что, по-твоему, немой? Сам не расскажу? Добавишь, когда скажу. – Он повернул лицо к Лиде. – А беда у них вот такая: Игорь в тюрьме, а отец его бесследно исчез.

– Как исчез? – вырвалось у Лиды. – Когда, куда?

Она настолько была потрясена, что забыла про свой голос, который до этого старила.

– Уже пошел восьмой год, как пропал. А куда, до сих пор никто не знает, – поспешно вставила старушка, поглядывая с опаской на мужа.

– Какого числа, не знаете? – тихо спросила Лида, почти зная ответ.

Они заспорили, причем старик трясся от гнева, когда старушка ему возражала. Лида почему-то больше верила ей и совсем поверила, услышав «начало июня». Ее папа исчез восьмого июня.

– За что посадили Игоря? – прервала она вопросом их спор и добавила, чтобы вызвать их на откровение. – Я знала его как хорошего вежливого мальчика.

На этот раз старик был начеку и не дал жене раскрыть рта.

– Цыц! – прикрикнул он на нее. – Ни полслова больше! Я был на суде, сам все слышал оттуда, а ты – от АГГ. АГГ – это одна гражданка говорила, – пояснил он Лиде. – А мы что, разве против, что Игорь был хороший и вежливый? Только был таким. Когда-то. И вот что сотворила из него ваша капиталистическая Новая Зеландия. А теперь вот и мы его строим, этот капитализм, будь он трижды проклят и те, кто надумал перенести его к нам. Мы уже пожинаем плоды его волчьих нравов. Сейчас таких Игорей у нас на каждом шагу.

Вон на прошлой неделе двух девчушек живыми в землю закопали пятнадцатилетние новые русские. Пионеры и комсомольцы так никогда бы не поступили.

– Так что с Игорем? – напомнила Лида.

– Сидит за групповое изнасилование девочки из его класса и, как особо подчеркивал судья, с изощренной жестокостью. – Старик поднял палец. – Девочка, он сказал, так и не выкарабкалась, померла.

– Царствие ей, бедняжке, небесное, – перекрестилась старушка.

Лида почувствовала пробежавший по спине холод и забыла, что хотела спросить еще. А старик продолжал:

– Но это еще не все. На суде выяснилось кое-что еще. Оказалось, что она была у нашего Игоря не первая. До нее он с дружками еще одну изнасиловал. Только та, видно, не сопротивлялась, и ее не изуродовали до смерти. А эта, видно, была не такая, честь блюла, так ее взяли силой, и вот что из этого вышло.

Потрясенная Лида чуть не попросила у старушки стакан воды. Спohватившись, тихо спросила:

– И кто же была эта девочка? Я имею в виду первую.

– Тоже из его класса. Такая же малолетка. Но я ее видел и прямо скажу, правда, красивая девка, уже была ладная.

– Вы ее фамилию не помните? – Спohватившись опять, Лида пояснила экспромтом. – Я вот, почему фамилию спрашиваю. Ему девочка одна писала в Новую Зеландию. Мы

еще с Леной над ним подтрунивали. Ее Аней звали, а фамилия у нее, кажется, Антонова. Это была не она, не запомнили?

Стараясь вспомнить, старик закрыл глаза и оскалил мелкие вставные зубы.

– Нет, никак не могу, – наконец честно признался он. – Мать, а ты не запомнила?

– Вспомнил, – язвительно проговорила старушка. – Куда ты без меня, решето без памяти? Я же тебе тогда еще говорила, что я с ее матерью работала на мясокомбинате. Она, может, и сейчас там уборщицей работает. Клавдия она Пиманкина. А как зовут дочь, чего тогда не знала, того и сейчас не знаю. Никакая она не Антонова будет, а Пиманкина, – пояснила она Лиде.

Зина Пиманкина была самой красивой девочкой в классе. Все девчонки завидовали ее длинным стройным ногам и кошачьим зеленым глазам. Но, насколько Лида помнила, Игорь был к ней безразличен. Выходит, врал? Она спросила:

– Она подтвердила на суде, что Игорь ее насиловал?

– Все рассказала дочиста, как было, – ответил старик. – Сначала он, потом напарник.

– Сколько лет Игорю дали?

– Восемь лет. Чуть меньше года осталось, – вставила старушка.

– А других на сколько лет осудили?

– Ни на сколько! – крикнул старик, не спуская сердитых

глаз с жены. — Не поймали их. А он их не выдал. Видно, сильно его припугнули. И то, понять его можно. Через год сколько ему, мать, будет?

Подпрыгнув от радости, старушка подсказала:

— В мае двадцать ему было. Он Витюшке нашему ровесник. Это внучок наш, — пояснила она Лиде.

Старик похвалил ее взглядом и сказал:

— Вся жизнь еще впереди. А они ему, видно, пригрозили: «Выдашь нас — убьем». Вот он и не выдал. И правильно сделал. Скоро выйдет и опять возьмется за свое.

— А что говорили про исчезновение Михаила Игоревича? — спросила Лида.

— Если ты имеешь в виду милицию... вы извините, я к тебе буду на ты, ты для меня еще молода, то она ничего не говорила, пропал и пропал. Сейчас каждый день люди пропадают. А если ты Елену имеешь в виду, то она до сих пор придти в себя не может.

— Она работает?

— Работает продавцом на рынке, как и все сейчас.

— Когда ее можно застать дома?

— Только вечером. Днем она редко бывает.

— А что лично вы думаете об исчезновении Михаила Игоревича?

Старик, словно ожидал ее вопроса и обрадовался.

— А меня никто об этом не спрашивал. А я бы милиции сказал, ничего не побоялся. Мы ведь с Михаилом, можно

сказать, дружковали. Оба заядлых рыбака. Он со мной многим делился. И удочкой, и наживкой и про Новую.. все забываю..как ее, он говорил, рядом с Австралией... рассказывал, какую там рыбу и на что он ловил, и, конечно, поделился горем, какое ему сын преподнес. Но он так и не поверил, что Игорь виноват. Говорил, что это кто-то нарочно ему подстроил. И все пытался угадать, кто это мог сделать. Я свое мнение ему уж не высказывал, чтобы его не расстраивать, что не кто-то, а капитализм во всем виноватый. Да и не убедил бы я его. За два дня до того, как пропасть, он забежал ко мне на минутку и сказал: «Кажется, я напал на след». Я ему говорю: «Беги в милицию». А он усмехнулся и ответил: «В милицию, говоришь? Это все равно, что на себе сразу крест поставить. Нет уж, говорит, мы как-нибудь сами попробуем найти истину». Больше я его не видел.

– Он сказал «мы». Кого он еще имел в виду?

Старик, не задумываясь, ответил:

– Я так понял, меня. Поэтому не спросил. Кого же еще?

У меня тогда ноги еще ходили.

Лида взглянула на часы и, сделав вид, что спешит, быстро поднялась со стула. Поблагодарив обоих и не дожидаясь их вопроса, что передать матери Игоря, вышла, вернее выско-чила.

В правление ЖСК он вошел с большим чемоданом, сразу

обратив на себя внимание председателя правления, пожилой женщины с красным лицом.

– У вас там не бомба? – спросила она на полном серьезе, если не улыбнулась.

– Не бойтесь, я взлечу вместе с вами, – сомнительно успокоил он, ставя чемодан у стены, и вдруг улыбнулся.

Улыбка у него оказалась такая обворожительная, что не только председатель, но и все остальные женщины, стоявшие в очереди к бухгалтеру, тоже заулыбались.

Он подошел к столу председателя и сказал:

– Я прилетел с Сахалина и вот уже несколько ней разыскиваю Петровых, проживавших шесть лет назад в двести семнадцатой квартире. Вы не подскажете, куда они переехали? Новые жильцы ничего о них не знают.

– Они и не могут знать. Они уже трети в этой богом проклятой квартире.

– Я знаю. Хозяин мне рассказал. У вас должен быть адрес тех, с кем Петровы обменялись.

– Чего нет, того нет. Все документы на эту квартиру были выкрадены Цукерманом.

– Они хоть живы, не знаете? О несчастье с дочерью я знаю. Она выжила?

– Лично я ничего не знаю. Я здесь недавно. Кто из вас знает, что с Петровыми. Где они? – громко спросила председатель.

– Я слышала, что девочка померла, а парня посадили

на десять лет, — отозвалась женщина в шляпе.

Остальные промолчали. Он попрощался, поднял чемодан и вышел. Проезжая на машине мимо мусорного ящика, он бросил в него чемодан, который подобрал у себя во дворе на такой же помойке.

«Но еще не вечер, — сказал он себе. — Если она жива, я ее все равно разыщу».

Лишь к вечеру Лида пришла в себя от услышанного от соседей Игоря и надумала, что делать дальше. Для этого ей пришлось даже около часа побегать вокруг стадиона.

Теперь на очереди была Зина. Одно время Лида помогала ей по русскому языку и литературе. Как говорила сама Зина, она не имела привычку читать и делала много ошибок в диктантах. Их отношения всегда были нормальными, уравновешиваясь обоюдной завистью друг к другу: Лида завидовала красоте и росту Зиной, та — ее способностям в учебе и художественной самодеятельности.

У Зиной Лида надеялась узнать что-нибудь об Игоревых напарниках, будучи уверенной, что они были те же самые. Зина была крупной девочкой, и справиться с ней один Игорь не мог. Она могла запомнить бандитов.

Лида позвонила вечером. Трубку сняла Зинина мать. Предвидя такой вариант, Лида, все обдумав, решила

не врать, и на вопрос, кто звонит, ответила, что училась с Зиной в лицее и зовут ее Лялей.

— Как Ляля? Петрова что ли? — не поверила мать. — Так ведь люди болтали, что ты давно умерла.

Услышать о себе такое было неприятно, и Лида возразила, как можно, бодрее:

— А я, как вы слышите, жива и здорова.

— Слышать-то слышу да только ты ли это? Зинка может мне и не поверить.

— Как у нее дела? У нее все хорошо?

— Да не плохо, вроде, не жалуется.

— Когда она будет дома?

— У нее свой дом есть. Фирма ей купила и квартиру и машину.

— Я бы хотела с ней поговорить. Вы не дадите мне ее телефон?

— Так сразу я не могу тебе ответить, хоть ты и Лялька Петрова, если не врешь. Она не велела мне никому раздавать ее телефоны и адрес.

— Мне очень нужно с ней переговорить. Может, вы ей позвоните и скажете обо мне? Вдруг, она не станет возражать.

После недолгого молчания мать нерешительно проговорила:

— И то правда, почему бы ей с тобой не встретиться? Такое тебе пережить. Считай, что с того света объявилась. Знаешь, что? Перезвони-ка ты мне минут через десять.

Услышав гудки, Лида выдохнула воздух. Похоронили ее основательно и, кажется, не очень рады, что она жива. «Значит, буду долго жить» – подбодрила она себя, но веселее ей не стало.

Через десять минут мать сказала:

– Ты сделай вот что: перезвони-ка снова, но уже через полчаса.

На этот раз Лида позвонила для верности с пятиминутным запасом и услышала:

– Она сказала, чтобы ты завтра подъехала сюда ко мне к десяти утра, раз уж ты мой телефон и адрес помнишь. Она будет тебя здесь ожидать. Сможешь подъехать?

– Смогу.

– Дом не забыла или подсказать?

– Я найду. Третий этаж направо.

– Значит, не забыла. А я тебя вспомнила. Ты такая вся маленькая, не то, что моя Зинка, кобыла. Вот беда-то, вот беда. Но моли бога, что жива осталась. Зинка мне не сразу поверила.

На территорию института он прошел вместе с абитуриентами, ничем не отличаясь от них. В отделе кадров ему сказали, что у них не было и нет преподавателя-филолога Петровой Галины Ивановны.

– Филолог Галина Ивановна до недавнего времени у нас

работала, – уже у двери услышал он голос, – но она не Петрова, а Скалыга. Скалыга Галина Ивановна, тысяча девятьсот пятьдесят второго года рождения. А вы ей кто?

– Двоюродный племянник ее мужа Петрова Сергея Ивановича.

– Какие-нибудь документы, подтверждающие это родство у вас при себе есть?

Он развел руками и ответил, улыбнувшись:

– Нет. Я не знал, что это потребуется. У меня с собой только паспорт, но там я не Петров и не Скалыга.

Женщина задержала взгляд на его улыбке и сказала смягчившимся тоном:

– Вы извините, но она, когда уходила, попросила нас никому не давать ее телефон и адрес. Позвоните мне завтра, я попробую вечером с ней связаться. Вот вам листок, напишите о себе, чтобы она вас вспомнила.

– Спасибо, она из моих родителей вряд ли кого знает, а меня тем более.

Он повернулся и вышел. Однако, это уже была удача. Фамилия Скалыга – не Петрова, в Москве их должно быть не так много.

Их оказалось всего две: в Текстильщиках и в Тушино. Ближе к МОПИ были Текстильщики, и он поехал туда.

Войдя в подъезд вслед за старушкой, он вдруг разволновался и сделал вид, что пошел пешком. Но подниматься пеш-

ком до седьмого или восьмого этажа, где, по его подсчету должна была находиться ее квартира, он при таком сердцебиении не стал, а спустился и воспользовался лифтом.

Время было еще рабочее, но на всякий случай он позволил. Не услышав ответа, он внимательно осмотрел замок и сделал вывод, что проблем с ним не должно быть: замок был советского производства и открывался ногтем. Из сумки, висевшей на плече, он достал отмычку и уже через минуту входил в бедно обставленную двухкомнатную квартиру. Уже одно это его смутило, так как, насколько он знал, у Ляльки была трехкомнатная квартира. Может, разменяли с доплатой на ее лечение, подумал он, обходя гостиную и спальню.

Он сразу понял, что Лялькой тут не пахнет. Ни одной ее фотографии он не увидел, а вместо нее везде, где только можно было повесить и поставить, были фотографии лопухого и лупоглазого мальчишки от детсадовского до призывного возраста.

Вдруг он увидел в углу под иконой большую цветную фотографию и замер перед ней. На ней был снят десантник в берете и тельняшке. Угол рамки перерезала черная лента.

– Прости, друг, – проговорил человек вслух, глядя в глаза парня и поспешно вышел из квартиры.

Пока он дошел до машины, он выкурил две сигареты. Усевшись за руль, он взглянул на часы. Ехать в Тушино было поздно: кончался рабочий день.

К встрече с ней он должен подготовиться.

Лида не поняла, почему Зина не захотела дать ей свой телефон. Возможно, чтобы Лида не узнала, где она живет. По этой же причине не решилась она позвонить и сама, опасаясь, что у Лиды мог быть определитель номера. Который, кстати, у нее был.

«А я, дура, звонила прямо из дома, – выругала она себя. – Теперь мой адрес она может отыскать по номеру телефона. Ну и что? Пусть отыщет. Тогда почему она боится, что я узнаю ее адрес?»

Она продолжала об этом думать, подходя к пятиэтажной хрущевке на Борисовских прудах.

Дверь открыла сама Зина. Она стала еще выше и красивее. Возможно, она ночевала здесь, так как была в домашнем халате, растрепана и совсем без косметики, хотя еще в лицее увлекалась этим делом. Лиде она показалась расстроенной или обеспокоенной, а может, и встревоженной.

Лидино лицо тоже не излучало радость. Его скорбную бледность подчеркивал по-монашески повязанный черный платок, закрывавший пол-лица. В сочетании с ним ее огромные глаза казались совсем темными. Большие круги под ними, пепельные губы с траурной окантовкой, черное до пят платье и грубые мужские ботинки говорили о том, что жизнь

Лиды была далека от радости мирской.

– Ты что, монашка? – спросила удивленно Зина, когда они после объятий и поцелуев прошли в единственную комнату.

– Каждый сейчас устраивается, как может, – ответила смиренным голосом, усаживаясь на стул, Лида. – Везде, куда бы я ни обращалась за работой, вначале требовали с меня деньги, обещая золотые горы потом. А денег у меня нет, да и в принципе я не понимаю, зачем должна их платить. Только в два места меня брали без предварительной оплаты: в публичный дом и в церковь. Так как после того, что со мной сделали, я на всю жизнь возненавидела мужчин, тем более близость с ними, то сделала свой выбор на церкви. И должна сказать, не прогадала: на еду хватает и к богу ближе. А у тебя как? Как я поняла из разговора с матерью, ты тоже неплохо устроилась, если тебе дали квартиру, машину.

– Как дали, так и отберут, если тоже возненавижу мужчин, – ответила Зина и потянулась к сигаретам. – Ты не куришь?

Лида покачала головой и сказала:

– Я о тебе лишь вчера узнала. Когда это случилось?

– Для тебя это очень важно? Я бы не хотела об этом вспоминать.

– Да, для меня это очень важно, потому что я ищу своего отца.

– А где он?

– Он исчез через месяц после той ночи.

Зинины глаза округлились, сделавшись почти желтыми в лучах утреннего солнца.

– И...и до сих пор его нет? – спросила она.

– Нет. Он хотел найти наших с тобой насильников, за что его убили. Я думаю, и с тобой и со мной были одни и те же. Сколько их было у тебя?

– Как и у тебя трое. Игорь и после него еще двое.

– Ты их видела?

– Только одного Игоря.

– У тебя было с ним свидание?

– Можно сказать, свидание. Я попросила его принести мне легкую книжку на английском языке. Он предложил передать ее мне вечером у почтового отделения. Мы встретились и пошли гулять. Дошли до пруда. Там сели на лавку и стали целоваться, а потом он полез мне под юбку. Я, конечно, стала его отталкивать, и тут кто-то накинул мне на голову мешок и зажал рот. Меня сунули в машину, там мешок сняли и завязали глаза. В каком-то доме мне кто-то приставил ко лбу пистолет и спросил, хочу ли я жить. Я, конечно, хотела, и тогда мне приказали быть послушной. Как я поняла, этот с пистолетом ушел, а подошел другой, положил меня на кровать и стал раздевать. Когда я попробовала брыкаться, он стал бить меня по щекам, и я перестала сопротивляться. Он дораздел догола и стал больно щипать и кусать сиськи, по-собачьи поскуливая, а когда я закричала от боли, опять стал бить и елозить по мне, суя свой хрен во все дырки, толь-

ко что в нос не засовывал. В какой-то момент, когда я крутила головой, повязка сдвинулась, и я увидела Игоря. Помнишь, мы его еще князем называли? – Зина усмехнулась. – Сволочь он, а не князь.

– В какой момент ты его видела? Когда скулил или позже?

От Лиды не ускользнуло, что Зина слегка растерялась. Чтобы скрыть это, она быстро поднялась и взяла с комода сигареты. Нервно закурив, она вернулась к столу и сделала несколько затяжек.

– Не знаю, как тебе это сказать, – проговорила она. – Да, я видела его и когда он кусался и когда ласкал меня. Скрывать от тебя я не буду, он мне нравился, как и всем девочкам класса, я бы ему и так дала и хотела этого, но когда я увидела его скулившим и кусавшим, возненавидела его. А когда он вдруг стал целовать меня, продолжая делать свое дело, я испытала такое наслаждение, что опять полюбила его. Потом я поняла, что это у него такой метод траханья: сначала делать больно, а потом ласкать. Сознайся, у тебя тоже так было?

Вместо ответа Лида спросила:

– Он тебе ничего не говорил?

– Чтобы себя раскрыть? А тебе говорил?

Что-то заставило Лиду соврать:

– Тоже нет. А как вели себя другие?

– Что ты имеешь в виду?

– Тоже скулили, мяукали, хрюкали, ревели?

– В основном сопели и пыхтели. Главное, не били. Навер-

ное, потому, что я их во всем слушалась и не сопротивлялась.

Лида в какой раз попыталась вспомнить слово, которое выкрикивал один из бандитов, не вспомнила и решила не спрашивать о нем Зину. Вместо этого она заметила :

– Ты сказала, что повязка у тебя сдвинулась сама. Ты могла видеть и других.

– Господи, что ты пристала? – рассердилась Зина. – Может, и могла бы, да боялась, что они могли это заметить.

– Ты, Зина, на меня не обижайся. Я тебя потому расспрашиваю об этом, так как уверена, что до Игоря у меня был еще один, тот самый, который скулил и кусал.

– Ничего подобного, был один Игорь, это у него метод такой. Он ему в Новой Зеландии научился.

– А какой голос был у того, кто приказывал тебе, что делать?

Лида хотела также спросить, не показалось ли Зине странным, что его голос исходил откуда-то снизу, словно от карлика. А еще она тогда обратила внимание на интонацию его голоса при разговоре со скулившим бандитом, как с ребенком. Зина не могла не заметить и того и другого. Но спросить ее об этом означит подсказку. Она сама должна сказать об этом.

Но ответ Зины разочаровал Лиду:

– Нормальный у него был голос, хотя мурашки от него по спине бегали, особенно, когда он предупреждал, чтобы я

никому не рассказывала. Пригрозил убить мою мать, а мне в следующий раз засунуть еловые шишки. Как тебе. Может, ты очень сопротивлялась им?

– Мне тоже хотелось жить.

– Тогда я не знаю, почему они с тобой так поступили. Я имею в виду эти шишки. Может, Игорь им мало заплатил, и они, чтобы насолить ему, придумали от злости шишки и повсюду разбросали ваши фотографии, а мне приказали подать на него заявление в милицию и написать, что увидела, мол, его фотографии с тобой и решила наказать его, не боясь, что за это он убьет меня. А мне и вправду было жалко тебя до слез и хотелось хоть как-то помочь. И тут я узнала, что они и меня фотографировали, и велели тоже приложить к заявлению. Я сопротивлялась, а куда денешься? Две я сохранила.

Зина поднялась и достала из-под комода пакет с картонной папкой. Из нее она вынула фотографию и подала Лиде. На одной Игорь лежал на Зине в ее объятиях. Его голова была откинута назад, лицо с закрытыми глазами и приоткрытым ртом застыло в явном наслаждении.

– Это нас сфотографировали в тот самый момент, когда я его увидела. Видишь, повязка на левом глазу сдвинута?

Лида бегло взглянула на фотографию, спросила:

– Разве руки у тебя не были привязаны к лавке?

– Нет. Я не сопротивлялась, как ты. У меня есть две фотографии с тобой. Хочешь посмотреть?

На миг Лида растерялась, но сказав себе: « Ради отца я пойду на все», – и протянула руку. На одной фотографии хорошо была видна кровь на ее искаженном лице, груди и на внутренней стороне ляжек раздвинутых ног. Голый Игорь дотрагивался пальцами до ее кровавой груди. На другой они были засняты в момент той самой близости, которую она помнит до сих пор.

– Это все, что у тебя есть, я имею в виду со мной?

– Да, только эти две. Но на суде твоих было девять, моих – три.

– Я заберу мои? – Увидев кивок Зины, Лида подавила желание порвать фотографии и положила их в сумочку.

Зина тоже сунула фотографии в папку и вернула пакет под гардероб. Усевшись за стол, она поинтересовалась:

– Где ты пропадала все эти годы?

– Сначала долго лежала в больнице, а домой вернулась уже в другой район. Папа сразу обменял нашу квартиру. Почему не показывалась здесь, думаю, тебе не надо объяснять.

– О, это я испытала на себе сполна. Сразу стала блядью и проституткой. Это сейчас из нас сделали бы героинь. Показывали бы по телевизору. А на меня тогда еще показывали пальцем и говорили: «Вон идет трахнутая хором». Если бы не Эдик, я не знаю, как все это пережила бы. Он меня поддержал тогда. – Зина поднялась и принесла из кухни бутылку вина с двумя рюмками. – Давай выпьем. Главное, что ты жива. А то мы тебя уже похоронили. На суде все так думали.

— Мама твоя мне об этом уже сказала. — Лида взяла рюмку и пригубила. — Потом ты разговаривала с ними только по телефону, когда они тебе велели, что делать? Или встречалась с ними?

— Нет, они мне звонили.

— С тех пор они о себе не напоминали?

— Нет, но иногда мне казалось, что за мной кто-то следит, а в последнее время я даже в этом уверена. Эдик говорит, что мне это кажется.

— Ты с ним до сих пор дружишь? Это он тебе устроил квартиру и машину?

— Дружишь, — засмеялась Зина. — Что ты имеешь в виду? Сейчас такого понятия нет, тем более у сына миллионера. Лечь с ним в постель мечтает каждая, только мало кому это удастся, а чтобы с ним дружить... Пожалуй, одна я больше всех с ним спала. Если ты это имеешь в виду, то да, я и сейчас с ним дружу, за что у меня и машина и квартира. Это для него копейки. У тебя, как ни у кого другой, может быть не только это. Когда-то ты ему очень нравилась, помнишь? Он до сих пор иногда тебя вспоминает, а тогда даже переживал, готов был Игоря убить из-за тебя. Сказать ему о тебе? Его фирма по всей Москве разбросана. Он может тебя устроить поближе к твоему дому. Ты где живешь?

— В другом конце Москвы.

— Сказать ему?

— Нет, Зина, меня это не интересует. Я выбрала свой путь.

Поэтому у меня к тебе убедительная просьба никому обо мне не говорить. И Эдику тоже. Я тебя очень прошу. Не хочу ни с кем встречаться. Тебе я позвонила только потому, что ты имела прямое отношение к тому делу.

– Боюсь, что оно еще не закончилось для меня. Игорю меньше года осталось. А у меня уже сейчас дрожат колени, потому что оттуда, как правило, выходят зверями. – Зина вновь налила себе и выпила одна. – А ты не боишься?

– Нет, не боюсь и даже хочу с ним встретиться, чтобы выведать о других. Я думаю, теперь он не станет их покрывать. И, если честно, я до сих пор не могу поверить, чтобы он оказался способным на такую подлость. Он мне казался таким идеальным. А какие у него замечательные родители!

– Предположим, отец его оказался не таким уж замечательным, – возразила Зина. – Даже не дождался суда над сыном и быстро отвалил за границу. Испугался, что из-за судимости Игоря потом не сможет уехать.

– Мать тоже уехала? На суде никто из них не был?

– Одна мать была. Отец ее бросил, уехал один. Ее действительно жалко. Стала, как старуха. Игорь, выходит, в отца пошел. Яблоко от яблони не далеко упало.

Лида поднялась, сказала:

– Спасибо тебе за то, что согласилась со мной встретиться, многое прояснив. Если не возражаешь, я свяжусь с тобой через твою маму, если вдруг понадобится.

– А тебя как разыскать, если я что узнаю?

– Наверное, никак. Дома я практически не бываю, все время в церкви. А там телефона нет. Я сама тебе буду позванивать.

Зина проводила ее до лестницы и при прощанье вдруг шепнула, оглядываясь:

– С этой минуты ходи и смотри по сторонам. В том числе на машины.

Вернувшись в квартиру, Зина набрала по телефону номер и сказала:

– Вышла. Во всем черном, как монашка.

Положив трубку, она подошла к стоявшему на тумбочке магнитофону и выключила его. Вынутую кассету она положила в сумку, а взамен достала дорогой косметический набор и прошла в ванную.

Через пятнадцать минут она вышла оттуда ярко накрашенной и ослепительно красивой. На ней была белая кофта, едва прикрывавшая полную грудь с торчащими вверх сосками и замшевая юбка, не скрывавшая великолепные ноги.

Выйдя из подъезда, она села в стоявшую недалеко шикарную иномарку и спросила полного молодого человека за рулем:

– Видел ее?

– А это точно она? Не подстава?

– Я вначале тоже так подумала. Но потом пригляделась и узнала ее. Она. Глаза точно ее, таких других нет.

– Она что, монашка?

– Говорит, что подрабатывает в церкви и молится. Что я тебе буду пересказывать? Сам все услышишь.

Она вынула из сумки кассету и сунула ее в магнитолу. Когда машина тронулась, из колонок послышался голос: «Ты что, монашка?»

Думая о странном предупреждении Зины, Лида обратила внимание на шикарную иномарку, стоявшую недалеко от Зининого подъезда и выглядевшую белой вороной на фоне отечественных машин. Подумав, что машина могла принадлежать Зине, Лида вздохнула. Ей тоже досталось, не приведи господь. Хотя и машина и квартира есть, а счастья тоже нет. Всех и всего боится. Почему-то уверена, что ее до сих пор преследуют из-за Игоря. Не понятно, чем она сейчас для них опасна. Если кого им надо преследовать, так это ее, Лиду.

Все еще думая об этом, она, войдя в автобус, глянула в заднее стекло и увидела, что от дома, прилегавшего ко двору Зины, отъехала синяя иномарка. Три остановки она плелась за автобусом, пока не обогнала и не исчезла впереди. Лида подозрительно оглядела вошедшего на следующей остановке бритоголового хорошо одетого парня и подумала, что такие обычно ездят в машинах. Заметив его рядом с собой в метро, она вдруг решила проверить его и в последнюю секунду выскочила из вагона. Она увидела, как парень метнулся к двери, наградив ее свирепым взглядом.

Кажется, Зина права, подумала Лида. Только что-то очень быстро началось. Ее удивило, что она нисколько не испугалась, лишь немного возбудилась.

Но нет худа без добра: парня она хорошо запомнила.

В вагоне она попыталась проанализировать услышанное от Зины, но мешали толкотня, голос диктора, объявлявшего остановки, шипенье открывавшихся и закрывавшихся дверей. Лишь дома в голове стало кое-что вырисовываться, в основном в виде вопросов без ответов.

Рассказ Зины с самого начала вызвал у нее недоверие, которое к концу еще больше возросло.

Хоть и с трудом, она допускала, что Игорь целовался с красивой Зиной, но чтобы он полез ей под юбку, вот это представить не могла.

И не могла Зина не знать, что до Игоря был еще кто-то. Тогда почему она так упорно настаивала, что он был один?

И про отца Игоря наплела, будто он убежал за границу, бросив жену.

И теперь эта история с бугаем. Следил за Зиной, а, увидев Лиду, поехал за ней? Как он узнал, что она – это она? Прислушивался телефон матери?

Были и еще вопросы, ответы на которые Лида не знала. Ее успокаивало лишь то, что теперь одного из них она знала в лицо.

Тут она серьезно задумалась. Предположим, найдет она

их всех, а дальше что? Заявит о них в милицию? А где доказательства? Без них милиция их выпустит.

Ответ на этот самый главный вопрос она не знала.

И все-таки она была довольна собой. Всего две встречи, а так много узнала. Только, к сожалению, ничего об отце.

Он припарковал машину у соседнего с предполагаемым Лялькиным домом и, выйдя из нее, оглядел дорогу, намечая пути отхода на машине. По дороге к дому он просмотрел все арки и выходы уже для пешего отхода. Зачем он это делал, он еще точно не знал, сделал скорее по наитию.

К его удовлетворению домофон в подъезде не работал, и дверь открывалась свободно. Понравилось ему и то, что квартира находилась всего на втором этаже.

Он был уверен, что на этот раз удача его не подведет и даже хотел, чтобы дома кто-то был. Но на его звонок никто не отозвался, и он, вздохнув, полез за отмычкой. Сегодня на нем была не кожаная куртка с молниями, а свободная синтетическая куртка, скрывавшая широкий пояс с карманами. Из одного из них он вынул отмычку, которой быстро открыл замок, тоже оказавшийся, как и в Текстильщиках, допотопным.

Войдя в квартиру, он сразу почувствовал, что нашел, кого искал. На столике под висевшим на стене телефоном лежала квитанция на газ Скалыга Г. И. А вот, что его озадачило, так

это то, что в квартире не было ни одной фотографии. Лишь в углу гостиной рядом с иконой стояла фотография мужчины. Она была без черной ленты, и он облегченно вздохнул. Однако ему не понравилось, что в квартире совсем не было мужских вещей.

Он осмотрел письменный стол и в одном из ящиков нашел аттестат зрелости, выданный всего три месяца назад Скалыга Лидии Сергеевне. Лидии, а не Ладе. Ничего не поняв, он подошел к стенке и поискал альбом с фотографиями и папку с документами. На книжных полках ему попалась связка тетрадей по предметам одиннадцатого класса этой самой Лидии. Не нашел он фотографии и среди книг, а их было много, в том числе вузовских учебников по филологии. Это его подбодрило, и он прошел в спальню, где стал рыться в гардеробе, стараясь не нарушить имевшийся там порядок. Белье на полках и одежда на вешалках были исключительно женскими. На стуле сбоку от одной кровати лежали крохотные трусы и лифчик, явно девичьи.

И все же он отыскиал альбом с фотографиями на антресоли между коридором и кухней. Он долго рассматривал одну фотографию, затем положил альбом на место.

В гостиной он поправил на столе бумаги и направился к двери. Его остановил звук ключа в замке.

Он быстро оглядел прихожую и вернулся в гостиную. Там он тоже окинул ее взглядом и спрятался в углу за торцом

стенки, прикрывшись шторой, закрывавшей двери и окна лоджии. Чтобы его не было видно, он сдвинул на себя половину шторы.

Его удивило, что дверь долго не открывалась. Кроме того, ему еще в прихожей показалось, что звук, который он слышал, больше походил на скрежет отмычки. Если в квартиру проникнут грабители и начнут рыскать по ней, шансов остаться незамеченным у него практически не будет никаких. Все будет зависеть оттого, сколько их войдет. Даже двоих для маленькой комнаты будет много, не говоря уже о троих.

Он вынул из ножен пояса финский нож и развернул его. Но сначала он должен будет убедиться в их намерениях, а уж потом действовать мгновенно и решительно.

Шторы были толстыми и узорчато вышитыми. Он отыскал отверстие в узоре и прильнул к нему глазом.

Наконец послышался тихий стук, и в двери гостиной показался бритоголовый парень с пистолетом в выставленной вперед руке. Пистолет был с глушителем, а парень крепкого телосложения – типичный служака нового русского: охранник или наемный убийца. Пробежав взглядом по комнате, парень исчез, очевидно, чтобы проверить спальню и кухню.

Вскоре он появился опять и, остановившись посреди гостиной, уже более внимательно обвел ее глазами. На какое-то мгновенье человеку показалось, что их взгляды встре-

тились, и он со всей силы сдвигал рукоять ножа. Но парень отвел взгляд и подошел к стене, скрывшись из вида человека. Тот напрягся, приготовив себя к любой неожиданности.

— Короче, никакой тут монашки Лады Петровой нет, — слышался голос парня. — А опять какая-то гребаная Скалыга Лидия. Евреи, что ли?

Парень подошел к письменному столу и сразу вынул из ящика аттестат. Засунув его в карман, он достал оттуда маленькую пластмассовую коробочку и протянул руку с ней под крышку стола.

Тут его что-то насторожило. Он резко обернулся и забежал глазами по сдвинутой в угол шторе. На этот раз человек был уверен, что встретил взгляд парня. Он понял, что все решат доли секунды, в которые он должен опередить парня, воспользовавшись тем, что тот стоял в неудобной позе. Он откинул штору и бросился к парню. Зацепившись ногой за свисавшую до пола штору, он упал, однако в последний момент все же сумел изогнуться и метнуть в парня нож. Тот успел выпрямиться, развернуться и даже выхватить пистолет, но направить его на человека ему помешал нож, вонзившийся ему в живот по самую рукоять. Прогремившие подряд два выстрела пришлось в сторону от человека.

Моментально вскочив, человек схватил стул и, прикрывшись им, прыгнул на парня. Тот смотрел на него налитыми кровью глазами и судорожными движениями пытался поднять руку с пистолетом.

Человек поставил стул, взял из рук парня пистолет и спросил:

– Ты на машине?

Парень замедленно кивнул.

– Там еще кто есть?

Увидев, что парень покачал головой, человек сказал:

– Пойдем, покажешь ее.

Он вынул из кармана парня аттестат и вернул в ящик. Затем достал из-под крышки стола подслушивающее устройство, сунул его себе в карман, а пистолет за пояс и поднял с пола две гильзы. Подойдя к шторе, он отыскал в ней две дырки и отколупнул из стены под подоконником сплюсненную пулю. Он поискал глазами на полу вторую отрекошетившую пулю и, не найдя, вернулся к уже начавшему оседать парню. Подхватив его подмышки, он повел к двери. Тот с трудом переставлял ноги и тянул руку к ножу в животе.

– А вот это не надо. Ты живешь, пока перо не вынуто, – сказал ему человек, нажимая на кнопку лифта. – Вынешь и сразу откинешь копыта. Терпи, салага.

До самой машины они никого не встретили. Увидев ее, человек скривился. Он лишь один раз самолично проехал на иномарке при покупке машины, однако купил «Волгу».

В карманах парня он отыскал ключ от машины и удивился, что он был один, а не два, как у наших машин. Открыв

заднюю дверь, он усадил на сиденье парня. Тот весь дрожал, как в ознобе.

За рулем человек довольно быстро разобрался, что к чему, и, повернувшись, спросил:

– Будешь говорить или тебя сразу отвезти в овраг?

Парень поднял на него глаза, но скорее всего не увидел.

– Говори быстро, кто и зачем тебя послал?

Губы парня зашевелились, и послышался шепот:

– Коее... в... онису.

– Успеешь в свою больницу. Задам вопрос по – другому.

На кого работаешь?

Парень отвел взгляд в сторону.

– Понятно. Не хочешь говорить. Не хотелось бы, а придется перо вынуть. – Человек просунул руку между сиденьями к парню и коснулся рукоятки ножа. – Спрашиваю в последний раз. На кого работаешь?

Изо рта парня потекла кровь. Голова его дернулась и упала на грудь.

Человек приложил к его шее палец и выругался. Приподнявшись, он повалил парня на бок и вынул нож.

– Ты у меня молодец, не подвел в поединке с пистолетом, – проговорил он, вытирая лезвие ножа о полу пиджака парня. – Если бы не ты, я бы сейчас был на его месте.

Он сложил нож и засунул в карман пояса. Выехав из двора на дорогу, он направился в сторону кольцевой дороги. Проезжая мимо своей «Волги», он махнул ей рукой. Ему

нестерпимо захотелось оказаться в ней и поехать, не оглядываясь, домой. Но тогда он подвел бы Лидию Скалыга или Ладку Петрову, которую когда-то звали Лялькой, если это одно и то же лицо. Он уже итак ее здорово подвел. Смерть парня ей не простят. Но чтобы ей не было еще хуже, он должен отвезти парня как можно дальше от ее дома. Лишь бы не напороться при этом на гаишников.

Лида решила что-то придумать, чтобы вырваться хотя бы на один день для встречи с матерью Игоря и с кем-нибудь из восьмого класса лицея. Чаще всего она думала о Коле, дружившем с Игорем. Именно о нем она вспомнила еще вот почему.

Она уже давно пришла к выводу, что ей был нужен надежный напарник, такой, как Максим. Как ни парадоксально, в голову ей первым приходил Игорь. Но его не было. И еще Саша. Однако его она не хотела вмешивать в свое личное дело, к которому он не имел никакого отношения, а еще потому, что он был связан с кино, ее единственной надеждой и радостью в этой жизни.

А Колю она вспомнила вот почему. Храбрее и смелее его она никого не знала. Они познакомились в пионерском лагере. Она была самой маленькой девочкой, а он самым маленьким мальчиком в отряде. В то же время он был лучшим футболистом, а она лучшей участницей художественной са-

модельности. Может, поэтому они невольно сдружились. Коля ее оберегал и заботился о ней. Не раз он дрался с обижавшими ее ребятами. Он и в лицей пошел из-за нее, зарабатывая деньги на оплату обучения мойкой машин. Но странное дело, когда появился Игорь, Коля подружился с ним, хотя и знал, что Ляльке он нравился. Она была уверена, что они до сих пор могли поддерживать между собой отношения, и надеялась узнать об этом у матери Игоря.

Она очень ожидала эту встречу и все время о ней думала даже во время съемок, тем более, что там все походило на ее жизнь.

...Его дом находился в двух автобусных остановках от его работы. Она знала, что утром, если не шел дождь, он ходил пешком, а вечером всегда садился в автобус и всегда был не один. Вчера с ним были две женщины, а позавчера мужчина. Кроме того, вечером на улице было многолюднее. Поэтому она выбрала утро. К тому же, чтобы сократить путь, он ходил на работу дворами. Она повторила днем его маршрут. Дома стояли квадратами, подъездами вовнутрь. Между домами были разбиты маленькие парки с прямыми и широкими аллеями посередине, просматриваемыми из конца в конец. В основном по ним прогуливались матери с колясками, а остальные предпочитали извилистые диагональные тропинки. Одна из них огибала бывшую среднюю школу, ставшую ярко освещенной сауной с бильярдом или наобо-

рот, бильярда с сауной, и непонятное пустующее строение с полуобвалившимся деревянным забором.

Лучшего места, на ее взгляд, придумать было нельзя. Если встать за забор, то заметить ее можно будет лишь, заглянув вовнутрь.

Она увидела его еще издалека. У него была запоминающаяся походка: широко расставляемые ноги, выдвинутая вперед грудь и откинутые назад плечи и руки. Убедившись, что сзади него никто не шел, она, выглядывая из-за угла дома, подпустила его поближе и перебежала к забору. Ориентиром его приближения служила ей его песня, которую он пел довольно громко. Вчера и позавчера он тоже пел, регулируя громкость близостью встречающих пешеходов. Сегодня их не было, и он почти орал. Песни у него были ритмичные, в такт шагам, как у солдат.

Она взвела курок, ухватила пистолет обеими руками и, дождавшись, когда до него осталось не больше двух метров, вышла из укрытия и сходу выстрелила в его бочкообразную грудь, как учил Саша. Песня оборвалась, однако он продолжал двигаться на нее. Она отставила ногу назад для опоры и прицелилась ему в рот, из которого тогда вырывался рев. На этот раз он остановился и стал оседать.

Она нырнула в нишу, на ходу пряча пистолет в висевшую на плече сумку, пробежала мимо строения и вылезла через дыру в заборе. Оглядевшись, она обежала торец дома и подошла к припаркованной на пяточке двора Сашиной «девят-

ке». Выведя ее и проехав несколько метров, она услышала крик «Стоп!» и послушно остановилась...

Мытаркин подошел к машине и открыл дверь с ее стороны. Появившийся за его спиной оператор спросил:

– Повторять будем?

– А ты как сам считаешь?

– Должно сойти.

Лида вылезла из машины, обернулась, ища глазами «убитого». Она не смогла избавиться от чувства, что выстрелила в него не холостыми: слишком реально у него выступила кровь на груди и лбу. Но почему на лбу? Она же выстрелила в рот. Неужели она промахнулась с двух метров?

Мытаркин обнял ее за плечи и сказал:

– На сегодня все. Завтра тоже можешь быть свободна. Я прямо сейчас еду в Москву, могу взять тебя с собой.

– Я бы с радостью, но не успею переодеться.

– Зачем? Вживайся в образ пацаненка. Проверишь себя на людях.

Вот мама удивится, подумала она и ответила:

– Я готова.

К ним подошел убитый ею охранник и уставился на нее. У него на рубашке и лбу была «кровь».

– Ну, Евгений Сергеевич, у меня нет слов. У нее были такие глаза, что я испугался, вдруг патроны не холостые, убьет ведь еще к чертовой матери.

Он улыбнулся. У него были лошадиные зубы, но добрая

улыбка.

За рулем машины Мытаркина сидел Саша, который обычно возил режиссера на приемы и другие мероприятия, связанные с выпивкой. Насколько Лида знала, Саша не пил вообще. Сейчас он, как обычно, молчал, изредка бросая на нее взгляды.

– Что смотришь? – спросил Мытаркин. – Никак не решишься спросить, куда она грудь подевала? Догадался бы, что она не пацан, если бы повстречал на улице?

Саша покачал головой.

– А вот мы ее сейчас по-настоящему проверим. Лида, у тебя есть свободное время? Я еду к спонсору на фирму, хочешь, езжай с нами в качестве моего сына. Поедешь?

– Это где?

– В районе Сабурова. Посмотришь на живого нового русского. Сын миллионера, симпатичный парень, может, тебе понравится. Он где-то твоего возраста.

У Лиды тихонько екнуло сердце.

– Как его зовут?

– Эдуард Борисович Бахолдин. Пиво когда-нибудь пила? Треть торговли в Москве проходит через него. Обязательно угостит, попробуешь.

– Она мальчик – возразил Саша.

– Во, разговорился, – удивился Мытаркин. – Прямо Цицерон. Ладно, тогда только этикетки посмотришь. Значит, ты

мой сын Филька, Филипп Евгеньевич. Тебе, то есть ему, как в картине, двенадцать и ты мечтаешь стать знаменитым, как и твой папа, то есть я. А потом на просмотре, если Бахолдин сам не догадается, мы ему во всем признаемся.

Лида плохо слушала. Эдик! Зина что-то говорила о его фирме, разбросанной по всей Москве. Может, она тоже работает в Сабурове, и они встретятся. Это уже хуже: Зина ее может и узнать. Значит, надо постараться, чтобы не узнала.

С Эдиком Лида тоже не хотела встречаться, хотя он за ней ухаживал, поджидал у дома и что только ей не предлагал. И подвозить после уроков домой на своей машине, у него был личный шофер-телохранитель, с нее ростом и с квадратной фигурой. И куда только Эдик ни приглашал ее: к себе домой на просмотр нового видеофильма (тогда это было еще редкостью), в единственный в Москве «Макдональдс», в кафе, на пруд и просто погулять. Об этом мечтали все девчонки их класса, а она никуда с ним не пошла. Не нравился он ей почему-то, а после того, что ей рассказала о нем учительница по литературе, она презирала его.

Лицей отец Эдика, уже тогда известный миллионер, организовал специально для сына, наняв лучших учителей Москвы.

– Посылать его за границу, как делают другие, я не намерен. С их правилами и моралью в нашем дерьме он потонет сразу. А я хочу, чтобы он в нем плавал, как рыба, – ошара-

шил он учителей на первом педсовете. – Пусть закаляется здесь в среде таких же наших оболтусов. И никаких ему по-блажек. Наоборот, еще строже. Но чтобы мне знания у него были, кровь из носу, хочет он того или нет. Не захочет – вбивайте, как гвозди. Буду лично проверять. Хоть у меня нет высшего образования, но я пойму, что к чему.

А сыну заявил:

– Клянчить и воровать у матери деньги ты больше не будешь. Будешь их зарабатывать сам. Пятерка – сто долларов, четверка – минус двадцать, тройка – минус восемьдесят, а двойка – еще двести. За приличное поведение – тысяча в конце учебного года. А теперь прикинь, сколько ты сможешь заработать к концу школы, если не будешь дураком.

Учителя сразу сообразили, что их работу отец оценивал только по выставленным сыну оценкам. Совсем скоро это подтвердил случай с молодой принципиальной учительницей математики, поставившей Эдику двойку за контрольную. Увидев ее, он весь побелел и бросил на учительницу полный ненависти взгляд. Последствия для нее сказались уже на следующее утро. Шофер Эдика встретил ее у лица и передал уведомление о разрыве с ней трудового соглашения. С тех пор у Эдика не только двоек, но и четверок никогда не было, и все три года он был единственным отличником лица. Чтобы оправдать пятерки, учителя упорно вдабливали в его голову знания, превращая занятия в уроки одного ученика. В классе началась текучень, несмотря на относи-

тельно небольшую плату за обучение. Чтобы придать солидность лицу, в нем были набраны дополнительные нижние классы. И хоть отбор в них был строгим и брали лишь сильных учеников, ни одного круглого отличника в этих классах никогда не было. Им единственным бессменно в течение трех лет оставался Эдик – краса и гордость лица.

Он и впрямь выделялся среди других ребят: был самым крупным из них и довольно красивым. Девчонки с ума сходили по нему и с радостью шли и ехали с ним, куда угодно. В том числе и это ей тоже в нем не нравилось, что он ухаживал не только за ней, но и по очереди за всеми другими девчонками. Лишь ее он дольше всех добивался, так и не добившись. Особенно настойчив он был после появления в классе Игоря. Тут он ее даже в круиз за границу с собой приглашал, а однажды протянул несколько стодолларовых купюр. Она, конечно, никуда с ним не пошла и не поехала. Купюры тоже не взяла. А когда он увидел, что она не равнодушна к Игорю, невзлюбил его. Лишь после немного отошел и стал хотя бы разговаривать с ним.

Последний раз она видела его на дне рождения Игоря. Эдик там опять психанул и даже ушел раньше, кажется, с Зиной.

Так что предстоящая встреча с Эдиком Лиду не очень, вернее, совсем не радовала. Ее он и сейчас, даже как спонсор и сын миллионера, по-прежнему не интересовал, а увидев,

что она и теперь от него не в восторге, какую-нибудь неприятность преподнести ей мог. Может Мытаркину что-нибудь о ней гадкое сказать. Первая ее мысль была придумать причину не поехать к нему, сказав, что у нее вдруг заболел живот или голова, однако она сама сообразила, что это будет выглядеть не серьезно, и Мытаркин может ее неправильно понять, подумав, будто она испугалась, что Эдик может разгадать обман. Но еще больше Мытаркин ее бы не понял, если бы она призналась, что знает Эдика и не хочет видеть его.

Она решила идти на встречу и постараться, чтобы Эдик и Зина, если она тоже там, не узнали ее. Сложность была в том, что они знали ее как раз в двенадцатилетнем возрасте, поэтому она решила избегать своих манер и ужимок тех лет. А не получится, вдруг решила она, и они меня узнают, ничего страшного не случится, Мытаркин будет только доволен, что они когда-то вместе учились.

Она достала из сумки косметический набор и, насколько смогла, доизменила свое лицо, нанеся побольше веснушек и распушив волосы парика, прикрыв ими глаза. Для надежности она натянула кепку на лоб козырьком вперед, чуть в сторону. Больше всего она боялась за свои глаза. Она уже научилась их уменьшать, но это требовало постоянного напряжения.

За высоченным забором совсем не видно было здания лицея – бывшей музыкальной школы.

Их ожидали. Ворота гостеприимно автоматически рас-

пахнулись, и Саша въехал во двор. Лида не узнала здания. От музыкальной школы остался один наружный каркас, но покрытый если не золотом, то серебром уж точно: так все блестело и сияло.

Они прошли через массивную железную дверь в большой холл с пальмой посередине, уходившей в потолок. Охранник в милицеской форме оглядел их и строго спросил:

– Оружие есть?

Услышав отрицательный ответ Мытаркина, он позвонил по телефону и доложил:

– Эдуард Борисович, режиссер. С ним водитель и ребенок. Слушаюсь. – Он записал их фамилии, номер машины в тетрадь и открыл дверь предбанника. – Подождите в холле, за вами придут.

Посередине огромного холла стояла пальма, уходившая вверх к стеклянной крыше второго этажа.

– Не бедно живут новые русские? – спросил, усаживаясь Мытаркин. – Все вернулось на круги своя: на богатых и бедных. К сожалению, мы с вами оказались в числе последних, но нас утешает, что нас большинство и есть еще беднее нас.

Вскоре наверху послышались шаги, и на лестнице показались двое мужчин и девушка. У выходной двери девушка попрощалась с мужчинами и подошла к вскочившему Мытаркину.

– Добрый день, Евгений Сергеевич. Эдуард Борисович, вас ожидает.

Только сейчас Лида узнала Зину, хотя узнать ее было не легко: она была ослепительна в буквальном и переносном смысле. На ней блестело и сверкало все: глаза, ресницы, щеки, губы, зубы, не считая кулона с огромным жемчугом на причудливо витой золотой цепочке и дорогих перстней на пальцах рук. Ее волосы отливали медью и были тщательно уложены, не то что в тот раз в квартире матери: грязно – светлые и а бы как свисавшие. Все это Лида успела рассмотреть из-под козырька кепки, пока Зина шла к ним и приветствовала Мытаркина и Сашу. У нее все-таки перехватило дыхание, и она еще глубже надвинула на лоб кепку, увидев из-под нее, что Зина повернулась к ней:

– А это, Евгений Сергеевич, ваш сын или уже артист?

– Мой сынок Филька. Давно просился свозить его на съемки.

– Хочешь, Филька, сниматься в кино?

Не поднимая головы, Лида кивнула.

Зина погладила ее по голове и повела их наверх. Её ноги переступали как раз перед глазами Лиды, и она не могла не смотреть на них. А что уж говорить о Саше, вдруг подумала она и обернулась на него. Он поймал ее взгляд и хорошо улыбнулся. Ей стало полегче.

Они оказались в большой приемной с все той же пальмой посередине, продолжавшей уходить в зеркальный потолок. Возле двери в кабинет навстречу им поднялся крепко сбитый молодой мужчина в черном костюме с круглым невыра-

зительным лицом и, не извинившись, провел руками по бокам и спине режиссера и Саши. Взглянув безразлично на Лиду, он кивнул Зине, и она, распахнув резную дверь, громко доложила:

– Эдуард Борисович, Мытаркин Евгений Сергеевич.

Втроем они прошли в огромный кабинет, в глубине которого за столом сидел Эдик в оранжевом пиджаке и красной рубашке без галстука. Увидев их, он отложил в сторону бумаги, поднялся и вышел им навстречу.

Лида была уверена, что он вымахал под потолок, и удивилась, что с тех пор он не намного подрос и был много ниже Саши. Все ушло у него вширь и в морду, по-прежнему смазливую, а теперь еще и холеную, ставшую чем-то похожей на женскую.

Он поздоровался за руку с Мытаркиным и Сашей, лишь скользнув по Лиде взглядом, чему она была несказанно рада. Из-за стола поднялся и подошел к ним человек лет сорока, оказавшийся ростом ниже ее. Эдик представил его своим замом и правой рукой Виктором. Не подавая руки, тот лишь склонил перед вошедшими голову. По росту и квадратной фигуре, она догадалась, что он тогда был шофером – телохранителем Эдика. В лице его называли карликом, но так, чтобы он не слышал, его все очень боялись. По этой же причине Лида тогда даже не смотрела на него. И сейчас сразу почувствовала страх от сурового взгляда его стальных глаз

и исходявшей от него демонической силы.

Указав им на кресла вокруг журнального столика, Эдик сказал совсем не изменившимся с тех пор голосом, который теперь не соответствовал его солидной комплекции:

– Звонил отец и интересовался, как обстоят дела с картиной. Сказал, что если вам нужны еще деньги для ускорения съемок, скажите, сколько, и он добавит. Главное, чтобы получился добротный наш российский боевик.. Американские страну уже достали. Он поручил мне поддерживать с вами постоянную связь. На какой стадии съемка картины? Извините, что забыл спросить вас, что будете пить: коньяк, водку, виски, джин, пиво, кофе, воду?

– От вашего марочного пива я не откажусь, – сказал Мытаркин. – Саша за рулем, а мой Филька пока держится, не пьет. Что будешь, сынок: пепси или фанту?

– Фанту, – ответила Лида, суживая глаза.

Эдик нажал на кнопку и сказал появившейся в двери Зине:

– Сюда марочного пива разного, кофе и фанту, а внизу приготовь стол на пятерых с учетом себя. – Дождавшись, когда она закрыла дверь, он сказал Мытаркину. – Я думаю, вам будет интересно взглянуть на мое детище – винный погребок, где я собрал пивную коллекцию из несколько десятков тысяч бутылок. В том числе прошлых веков. И не только пиво. Не возражаете взглянуть? Там и закусим.

Попивая пиво из бутылки, Мытаркин стал рассказывать

об отснятых метрах и перечислять трудности, а Лида, сама не зная, почему, смотрела только на карлика, надвинув глубже на глаза козырек кепки. У него была крупная голова с длинными волнистыми черными волосами, спускавшимися на могучие плечи. Вздутые бицепсы выпирали даже сквозь рукава пиджака. Об огромной силе и воли говорило и продолговатое лицо с орлиным носом, выступавшим прямоугольным подбородком и суровым взглядом стальных глаз. Придавали лицу мужественность и свисавшие до подбородка усы.

Глядя на него, Лида никак не могла ухватить мысль, которая всякий раз обрывалась, словно гнилая нить, едва появляясь.

Наконец они поднялись и спустились в погребок. Они прошли мимо стола Зины со стоявшим возле нее здоровым парнем с круглым невыразительным лицом, прошли коридор, лестницу, пока не очутились в помещении, напоминавшим библиотеку, только вместо книг на полках стояли бутылки, а на красочных табличках были написаны не авторы, а изготовители.

– К сожалению, пивные бутылки в основном пустые, – пояснил Эдик, – потому что срок годности пива ограничен. А водочные и винные бутылки – все с содержимым, которое с годами только становится лучше и ценнее.

Больше всего Мытаркина и Сашу заинтересовали отечественные бутылки, особенно прошлого века.

А Лида все еще никак не могла сосредоточиться.

Из погребка они перешли в бассейн и сауну, после чего уселись за стол, заставленный бутылками и едой. Здесь к ним присоединилась Зина.

Лида шепнула Мытаркину:

– Я есть не хочу. Я хочу посмотреть пальму.

Эдик услышал и спросил:

– Сам найдешь к ней дорогу или тебя проводить?

– Найду, не маленький, – обиженно и сердито ответила

Лида, выходя из-за стола.

Краем глаза она заметила, как Зина пожирала глазами Сашу, и вдруг подумала сердито: «Вот проститутка».

Она полюбовалась голубизной воды в бассейне и поднялась вверх. Круглолицый парень сидел за столом Зины. Увидев ее, он спросил весело:

– Уже напился? А почему не шатаешься?

– Я не пил, – хмуро ответила Лида. – Я хочу посмотреть на пальму. – Она подошла к ограде и спросила. – Она живая?

Парень поднялся и, подойдя к ней, ответил все также весело:

– Думаешь, она дохлая? Блябу, живая.

Лида резко повернулась к нему и уставилась в его лицо без видимых следов ума. Значит, не влибу, не глибу, а блябу. Наверное, что-то означает. И голос тот же, звонкий, веселый.

Что-то в ее взгляде смутило его, отчего бесцветные глаза удивленно заморгали.

— А учительница нам говорила, что пальмы растут на юге, — взяв себя в руки, возразила она, зачем-то картавя. — А у нас зимний климат. Вы ее зимой поливаете теплой водой?

— Ага, блябу, кипятком, — заржал парень.

За столом запищало, и он поспешил к телефону.

— Але! Серый, типа, ты? Это Славик. Он киношников принимает. Не больше часа. В шесть он отчаливает на одну фирму. Ну чо, типа, нашел Креста? В натуре, никаких следов? А адрес монашки? Он тебе не назвал? А чо тогда звонишь? Хочешь, чтобы шеф тебе вломил? Блябу, еще как вломит. Ладно, типа, передам. Короче, давай быстрее лови монашку на крючок.

Лида вцепилась руками в ограду. Монашка — это она, и Серый может быть одним из тех бандитов. Услышать бы его голос. Но уже хорошо, что одного из них — вот этого кретина Славика — она уже знает. Осталось трое: с командным голосом, скулящий и хрипатый. Кто-то из них — Серый. Кто?

Чтобы скрыть от Славика свое волнение, она опять спустилась в бассейн. Еще не зная, зачем, она внимательно осмотрела его. Окна в нем были ниже уровня земли. Из окна она увидела, что хотела: где находятся окна и дверь бассейна со стороны двора.

По дороге наверх она осмотрела все входы и выходы. Славик опять что-то кричал в трубку, но ничего интересного для себя, кроме «блябу», она не услышала.

– Ну, чо, налюбовалась пальмой? – подошел он к ней. В руках он держал два увесистых пакета. – Давай обратно вниз. А то отец уйдет без тебя.

Они спустились одновременно с появлением Эдика и гостей. Один пакет Эдик отдал Мытаркину и другой – Саше.

– Теперь вы к нам в гости, – сказал Мытаркин. – Поспешите, мы скоро заканчиваем. Большой привет Борису Николаевичу. И просьба не забыть насчет перевода денег.

Из боковой двери вышла Зина с большой коробкой в руке и, поманив к себе Лиду, проговорила с улыбкой:

– А это тебе, Филька. Пиво ты не пьешь, а от конфет, надеюсь, не откажешься.

Лида взяла коробку и сказала, не поднимая головы:

– Спасибо. Я пока еще конфеты люблю больше, чем пиво. Все засмеялись, а Зина опять погладила Лиду по голове. Она вся благоухала дорогими духами.

Уже у двери Лида услышала голос, заставивший ее похолодеть и резко обернуться. Говорил по мобильному телефону стоявший в метре от нее Виктор.

– Это опять ты? Я. тебе уже говорил, что дам указание только после получения от тебя аванса. И никаких «но».

Даже тогда его командный голос исходил снизу, а сейчас

тем более. За годы, проведенные на больничных койках, Лида заметно подросла.

Она с трудом помнит, как они вышли. Выпивший Мытаркин ей что-то говорил о том, что экзамен она выдержала неважно, потому что была скована, могла бы быть посмелее, а она думала о своем, пытаясь ухватить и связать нити. Две уже были крепко связаны: Славика и Виктора. Серый может быть хрипатым. Тогда останется четвертый и последний, с кем Витя говорил, как с ребенком. Кажется, она уже знает, кто он.

Высадив Мытаркина в центре, Саша довез ее до дома и сказал, что завтра в семь вечера заедет за ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.